

9 40
64
307
Телу: 43.
См. 801-16
1599

О БЪЛОВЕРЕЖЬѢ

И СЕМИ ОСТРОВАХЪ

НА КОТОРЫХЪ,

ПО СЛОВАМЪ ДИМЕШКИ,

жили Суссы разбойники,

съ картою Freduce d'Ancona, гдѣ назначены

нѣсь припоны, въ IX-XI столѣтіяхъ, на Чер-

номъ и Азовскомъ моряхъ.

Ж

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1845.

2014046679

О БѢЛОБЕРЕЖЬѢ

И СЕМИ ОСТРОВАХЪ, НА КОТОРЫХЪ ЖИЛИ, ПО СЛОВАМЪ ДИМЕШКИ, РУССЫ-РАЗБОЙНИКИ.

Въ Лѣтописи Нестора, въ двухъ мѣстахъ, прежде и послѣ половины X вѣка [въ 944 (1) и 972 годахъ], мы находимъ слово Бѣлобережье, никѣмъ удовлетворительно до сихъ поръ не объясненное.

а) Въ договорѣ Игоря съ Греками: По списку *Лаврентьевскому*: «Аще обрящеть въ вустѣ Днѣпрскомъ Русь Корсуняны рыбы ловяща, да не творять имъ зла никакоже. И да не имѣють власти Русь зимовати въ вустѣ Днѣпра, Бѣлобережи, ни оу святого Ельферія, но егда придетъ осень, да идуть в домы своя в Русь» (2).

По *Радзивиловскому*: «Аще обрящутъ Русь Корсуняны рыбы ловящи въ усть Днѣпра, да не творять имъ зла никоего же, и да не имѣють Русь власти зимовати въ устьѣ Днѣпра, Бѣлобережи, ни у

(1) Второй походъ Игоря на Грековъ, по Нестору, былъ предпринятъ въ $\text{ж}^{\text{с}}\text{УНБ}$ (6452), или 944, самый же договоръ заключенъ въ слѣдующемъ $\text{ж}^{\text{с}}\text{УНГ}$ (6453), т. е. 945. *Лѣтопись Несторова, по списку Мниха Лаврентія*, изд. Тимковскій. М. 1824, въ 4, см. стр. 19—20. По Карамзину (Т. I, стр. 150, 2-е изданіе) договоръ заключенъ въ 944 году.

(2) *Лѣтопись Нестора, по списку Мниха Лаврентія*, стр. 24.

святаго Елеуѣрія; но егда приидеть осень, да идуť въ дома своя въ Русь» (1).

По *Воскресенскому*: «Аще обрящутъ во устьѣ Днѣпра Русь Корсуныя рыбы ловячи, да не творять имъ зла никакого. да не имѣють власти Русь зимовати во оустѣ Днѣпра, Белоберезѣ, ни оу святаго Елеуѣрія, да егда приидеть осень, да идоутъ в дома своя в Русь» (2).

По *Солѣйскому, Великаго Новаграда*: «Аще, обрящеть во усты Днепра Русь. Корсуныя рыбы ловячи, да не творять имъ зла никакого и да не имѣють Русь власти озимѣвати во устьи Днѣпра, Белоберезѣ и у святаго Елеуѣрія. но егда приидеть осень и да идуť в дома своя в Русь» (3).

Въ *Солѣйскомъ Временникѣ*: «Да не имѣють власти Русь зимовати въ устьи Днѣпра, Бѣлоберезѣ, ни у Св. Елѣерія; но егда приидеть осень, да идуť въ дома своя въ Русь» (4).

По *Суждальскому списку*: «Не имѣють же власти Русь во устьи Днепра, въ Беловѣжи зимовать, ни у Святаго Елѣерія, но какъ настала осень, то скоро да идуť въ Русь въ дома своя» (5).

- (1) Библиотека Россійская Историческая, Ч. I; Лѣтопись Нестора. С. П. Б. 1767, въ 4, см. стр. 42.
- (2) Русская Лѣтопись съ Воскресенскаго списка, и проч. С. П. Б. 1793 г., въ 4; см. Ч. I, стр. 96.
- (3) Россійская Лѣтопись по списку Софійскому Великаго Новаграда; Ч. I, стр. 30.
- (4) Софійскій Временникъ. М. 1820—21. 2 части, въ 4; см. Т. I, стр. 35.
- (5) Лѣтописецъ Русскій отъ пришествія Рурика до кончины Царя Іоанна Васильевича; изд. Н. А. С. П. Б. 3 частей, въ 8. 1792. См. Ч. I, стр. 54.

Въ *Архангелогородскомъ* (1) и *Никоновскомъ* (2) спискахъ, въ *Костромской* (3), *Супрасльской* (4) и *Псковской* (5) Лѣтописяхъ не помѣщенъ походъ Игоря, а потому въ нихъ нѣтъ и договора.

Новгородскій 2-й (Попа Іоанна и Пономаря Тимоѣя) начинается, какъ извѣстно, XI-мъ столѣтіемъ (6). *Царственный* (7) XII-мъ, и *Древній Лѣтописецъ* XII-мъ вѣкомъ (8).

б) При описаніи возвращенія В. К. Святослава на Русь:

Въ *Лаврентьевскомъ* списокѣ: «Створивже миръ Святославъ съ Греки, пойде въ лодяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода штенъ Свѣдѣль: поиди, Княже, на конихъ школо, стоятъ бо Печенежи в порозѣхъ. И не послуша его, поиде въ лодяхъ, и послаша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: се идеть вы Святославъ въ Русь, возьмъ имѣнье много оу Грекъ и полонъ бесчисленъ, съ малыми дружины. Слышавше же се Печенѣжи заступиша пороги. и приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лѣзѣ проити порогъ; и ста зимовати в Бѣлоберезьѣ, и не бѣ оу нихъ

- (1) Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ Россійскую Исторію, отъ 832 до 1398 года. М. 1781, въ 4. См. стр. 10—11.
- (2) Русская Лѣтопись по Никонову списку. С. П. Б. 8 частей; въ 4, 1764—92. См. Ч. I, стр. 41—43.
- (3) Русскій Временникъ, сирѣчь Лѣтописецъ. М. 1790, 2 части.
- (4) Супрасльская Лѣтопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую Лѣтописи. М. 1836, въ 4. Изд. Кн. Оболенскій.
- (5) Псковская Лѣтопись. М. 1837 г., въ 4, изд. Погодинъ.
- (6) Лѣтописецъ Новгородскій. М. 1787, въ 4. (На стр. 25 сказано, что онъ писанъ Попомъ Іваномъ, а на 118, что его продолжалъ Пономаръ Тимоѣй).
- (7) Царственный Лѣтописецъ. С. П. Б. 1772; въ 4, стр. 340.
- (8) Древній Лѣтописецъ. С. П. Б. 1774; въ 4, стр. 340.

брашна оуже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту. Веснѣ же приспѣвши, В. лѣто ~~ж~~SVII. Поиде Святославъ в пороги, и нападе на нѣ Куря Князь Печенѣжскій и оубиша Святослава» (1).

Въ *Радзивиловскомъ*: «Сотворивъ же миръ Святославъ со Греки поиде въ лодяхъ къ порогамъ; и рече ему воевода отенъ Свенальдъ: «Пойди, Княже, на конехъ около, стоятъ бо Печенѣзи въ порозѣхъ». И не послуша его и поиде въ лодяхъ, и послаша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще сиче: «Идетъ Святославъ въ Русь, вземъ имѣніе много у Грекъ и полонъ бесчисленъ, съ маломъ дружины». Слышавше се Печенѣзи, заступиша пороги, и прииде Святославъ къ порогамъ, и не бѣ лѣзѣ пройти порогъ, и ста зимовати въ Бѣлобережи и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ и яко по полугривнѣ конячя голова, и зимова Святославъ ту. Веснѣ же припѣвши въ лѣто 6480, поиде Святославъ въ пороги; нападе на нѣ Куря, Князь Печенѣжскій, и убиша Святослава» и проч. (2).

Въ *Воскресенскомъ* спискѣ: «Съ творивже миръ Святославъ со Греки, поиде в лодяхъ къ порогомъ и рече ему воевода отеченъ Свенѣтелдъ поиди Княже около на конехъ стоятъ бо Печенѣзи в порозѣхъ и не послоуша его поиде в лодяхъ и послаша Переяславци къ Печенѣгомъ глаголюще сиче идетъ въ Святославъ в Роусъ вземъ имѣніе много отъ Грековъ, а дружины съ нимъ мало, слышавъше же се

Печенѣзи заступиша пороги и прииде Святославъ къ порогомъ и не бѣ лѣзѣ проити пороговъ и ста зимовати въ Белобережїи и не бѣ оу нихъ брашна оуже и бѣ гладъ великъ, яко по полоугривне голова конячя и зимова Святославъ ту вѣсне же приспѣвши в лѣто ~~ж~~SVII. Поиде въ Белобережїи и нападе на нѣ Князь Печенѣжскій Куря. И оубиша Святослава» (1).

Въ *Софійскомъ, Великаго Новгорода*: «Сотворивже миръ Святославъ со Греки, поиде в лодяхъ къ порогомъ і рече ему воевода отенъ Свенделъ поиди Княже около на конехъ стоятъ бо Печенѣзи в порозехъ и не послоуша его и поиде в лодяхъ и послаша Переславцы къ Печенѣгомъ. Глаголюще сиче идетъ въ Святославъ в Русь, вземъ имѣніе многое отъ Грекъ, а дружины с нимъ мало. Слышавше жъ Печенѣзи, заступиша пороги. і прииде Святославъ къ порогомъ и не бѣ лѣзѣ проити и ста зимовати в Белобережїи и не бѣ уже у нихъ брашна и бѣ гладъ великъ, яко по полугривны голова конячя, и зимова Святославъ ту. веснѣжъ приспѣвши. ~~ж~~SVII поиде Святославъ в пороги и нападе на нѣ Князь Печенѣжскій Куря и уби Святослава» (2).

Въ *Софійскомъ Временникѣ*. «Створивъ же миръ Святославъ съ Греки, поиде въ лодяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода отеченъ Свенѣлдъ: поиди Княже, около на конѣхъ, стоятъ бо Печенѣзи въ порозѣхъ. И не послуша его, поиде въ лодяхъ, и послаша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще сиче:

(1) Лѣтописецъ Нестора, изд. Тимковскимъ, стр. 43.

(2) Библ. Росс. Истор. Ч. I, стр. 63.

(1) Русская Лѣтопись, по Воскресенскому списку. Ч. I, стр. 114.

(2) Россійская Лѣтопись, по списку Софійскому. Ч. I, стр. 44—45.

идеть вы Святославъ въ Русь, возьмъ имѣніе многое отъ Грековъ, а дружины съ нимъ мало. Слышавше же Печенѣзи се, заступили пороги; и прииде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лѣзъ пройти пороговъ; и ста-зимовати въ Белобережїи, и не бѣ у нихъ брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ голова конячья и зимова Святославъ ту. Веснѣ же приспѣвше, въ лѣто 890. Приде Святославъ въ пороги, зимовавъ въ Бѣлобережїи и нападе на ня Князь Печенѣжскій Куря, и убиша Святослава» (*).

Въ *Судздалскомъ* спискѣ: «Учиня Святославъ вышереченный миръ со Греки, поиде въ лодіяхъ къ порогамъ, и рече къ нему Воевода Свенелдъ, поиди Княже на конѣхъ, ибо около пороговъ стоятъ Печенеги, онъ же его не послушавъ, поиди въ лодіяхъ. Переяславцы жъ познавъ его путешествіе, послаша къ Печенегомъ глаголюще сие: идетъ мимо васъ Святославъ со имѣніемъ многимъ, взятымъ у Грекъ, а съ нимъ мало дружины. Печенѣги же сія слышавъ заступили пороги, не дающе прохода Князю. Святославъ, за неспособностію прохода, сталъ зимовать въ Бѣлобережїи, и не бѣ у нихъ брашна, отъ чего стался такой голодъ великой, что тогда покупали по полугривнѣ коневую голову. На весну, въ лѣто 6480, пошелъ Святославъ къ порогомъ, и нападе на него Куря, Князь Печенѣжскій, и убивъ Святослава, отсѣче его главу, изъ которыя очистивъ черепъ, или лобъ, здѣлалъ чашу, и повелѣлъ оправить золотомъ, и подписать на ней тако: Чуждаго паче силы желая, своя погуби за премногую его несытость. Егда

(*) Софійскій Временникъ, Ч. I. стр. 81.

же торжествуя Князь Куря піяше изъ оной въ воспоминаніе побѣды» (1).

Въ *Архангелогородскомъ*: «И рече ему воевода отца Свиндѣль: Пойди, Княже, около на конѣхъ, стоятъ бо Печенѣзи въ порозѣхъ и не послуша его Святославъ и поиде Святославъ въ лодіяхъ и послаша Переяславцы къ Печенѣгомъ, глаголюще сие: Идетъ Святославъ въ Русь, возьмъ у Грекъ имѣніе много и полонъ много и бесчисленъ, съ малою дружиною. Слышавше же Печенѣзи се, заступили пороги, и прииде Святославъ къ порогомъ, и видѣвъ не лѣзъ протти; а битися съ Печенѣги нехѣмъ, и возвратися вспять до устья Диѣпрскаго, и ста зимовати въ лузѣ моря, и на Белѣ берегу: бѣ бо зима приспѣ, и постиже ихъ гладъ великъ, бысть по гривнѣ голова конева. Бысть же лѣто, и паки поиде Святославъ въ лодіяхъ въ Диѣпръ. Въ лѣто 6480, поиде Святославъ въ пороги; и нападе на него Печенѣжскій Князь Редиря, съ вой своими и уби Святослава» (2).

Въ *Никоновскомъ*: «Сотворивъ же миръ Святославъ з Греки, и поѣха влодияхъ кпорогомъ. И рече Игоревъ воевода Свейтелдъ: не ходи, Княже, влодияхъ, поѣди на конехъ; около стоятъ бо Печенѣзи впорозехъ. И не послуша его Святославъ, и поиде влодияхъ. И послаша Переславцы к Печенѣгомъ глаголаше сие: идетъ (на васъ) Князь Святославъ в Русь, возьмъ имѣнія много у Грековъ, вмале дружинѣ. Слышавше же се Печенѣзи, заступили пороги: и прииде Святославъ кпорогамъ, и не

(1) Лѣтописецъ Русскій, изд. Н. Л. Ч. I, стр. 88—89.

(2) Лѣтописецъ, содержащій Росс. Исторію, съ 852 до 1598. М. 1781., въ 4, см. стр. 21—22.

бѣ лзе пройти пороги, и ста зимовати в Белобережьи. И не доста у нихъ брашна; уже и бѣ гладъ великъ, яко по полугривне продаема голова конская: и зимова Святославъ ту. Приспѣвше же веснѣ, влѣто сѣпн, поиде Святославъ в пороги; и нападе на ня Куря, Князь Печенѣжскій, и убиша Святослава» (1).

Въ *Супрасльской* рукописи и *Псковской Лѣтописи* нѣтъ слова «Белобережье». Въ числѣ Новгородскихъ Лѣтописей, изд. Археографическою Коммиссіею, первая начинается 1016-мъ годомъ, вторая 1052-мъ третья — 988-мъ годомъ.

Изъ сличенія обоихъ мѣстъ нашихъ Лѣтописей открывается:

1) Бѣлобережье находилось внѣ предѣловъ Руси, ибо названо въ числѣ мѣстъ, непринадлежавшихъ В. К. Игорю: устья Днѣпровскаго и острова Св. Елеуферія (Березань). Въ договорѣ сказано, что Руссы, при наступленіи осени, не должны оставаться въ Бѣлоберѣжьѣ, а возвратиться «въ дома своя, въ Русь».

2) Это мѣсто не принадлежало ни Руссамъ, ни Грекамъ: потому что въ первомъ случаѣ Византійцы не могли бы запретить Игорю зимовать на немъ; а если бы оно находилось во власти Грековъ, то Святославъ не могъ бы тутъ оставаться всю зиму, заключивъ предварительно миръ съ Цимисхіемъ, и обязавшись оставить области, принадлежавшія Византіи (2).

(1) Русская Лѣтопись, по Никонову списку, Ч. I, стр. 59—60.

(2) Въ мирномъ договорѣ Святослава съ Цимисхіемъ сказано: «Яко николиже помышлю на страну вашу, не много приведу на страну вашу и елико есть подъ властію Греческою, ни на власть

3) Географическое положеніе этого мѣста было таково, что Греки не могли совершенно запретить Руссамъ посѣщать его, хотя, конечно, и желали бы это сдѣлать; а потому сдѣлали, что могли, т. е. не дозволили имъ только зимовать на немъ. Но и къ этому Византійцы не могли принудить Руссовъ на самомъ дѣлѣ, ибо Святославъ послѣ договора зимовалъ въ Бѣлоберѣжьѣ.

4) Оно находилось очень близко отъ границъ, или береговъ, Восточной Имперіи: ибо Греки, вѣроятно, потому только и запрещали тутъ долгое пребываніе Руссамъ, что послѣдніе могли отсюда вдругъ, неожиданно, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, явиться на берегахъ Болгаріи, или Оракии, и безнаказанно, во всякое время года, грабить провинціи, принадлежавшія Византіи. По этой же причинѣ запрещалось Руссамъ зимовать въ устьѣ Днѣпра и на островѣ Св. Елеуверія: ибо отсюда они, также нечаянно, могли нападать на Корсунскую область, о чемъ именно и сказано въ договорѣ Грековъ съ Игоремъ (*).

5) Бѣлобережье лежало на пути изъ Руси въ Грецію: потому что, начиная съ XI вѣка, когда, со введеніемъ Христіанской Вѣры, прекратились Варяжскіе грабежи по Черному морю и нападенія Рус-

Корсунскую и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарскую». *Лѣтопись Нестора*, по списку Мниха Лаврентія; стр. 42.

(*) Въ договорѣ Игоря: «А ѿ Корсунстѣй странѣ еликоже есть городовъ на той части, да не имать волости Князь Рускии и, да не воюеть на тѣхъ странахъ и та страна не покоряется вамъ», и проч. Лѣтопись, по списку Лаврентія, стр. 23—24.

совъ на Царьградъ, этого мѣста мы болѣе не встрѣчаемъ въ нашихъ Лѣтописяхъ.

6) Бѣлобережье должно было означать и на Греческомъ языкѣ *бѣлый берегъ, бѣлую землю, бѣлый островъ, бѣловъ урочище*, или вообще Греческое названіе должно было заключать въ себѣ понятіе о чемъ-то *бѣломъ*: потому что имя этого мѣста, лежавшагося не въ предѣлахъ Руси, было, вѣроятно, ничто другое, какъ переводъ Греческаго слова. Бѣлобережье, находясь близъ Византійскихъ береговъ и колоній древней Греціи (какъ увидимъ ниже) получило, конечно, и первоначальное названіе отъ Эллиновъ и Греческихъ Географовъ, которымъ было очень извѣстно, а не отъ варварскихъ народовъ Среднихъ вѣковъ.

7) Бѣлобережье находилось ниже устья Днѣпровскаго, ибо въ Архангелогородскомъ спискѣ сказано именно: «и возвратися (Святославъ) вспять до устья Днѣпровскаго», и проч.

8) Скажемъ яснѣе: оно лежало посреди Чернаго моря, ибо въ томъ же Архангелогородскомъ спискѣ: «и ста (Святославъ) зимовати въ *лузѣ моря* и на Бѣлѣберегу». Странно, что до сихъ поръ никто изъ разсуждавшихъ о Бѣлобережѣ не обратилъ вниманія на это мѣсто, весьма ясно указывающее, гдѣ должно искать разрѣшеніе вопроса (*). *Ложь*,

(*) Замѣтимъ здѣсь, мимоходомъ, что въ Архангелогородскомъ спискѣ сохранилось многое, чего въ другихъ спискахъ, и даже въ Лаврентьевскомъ, мы не находимъ. Это замѣчаніе заслуживаетъ, чтобы на него обращено было особенное вниманіе и отмѣчены всѣ мѣста, отличающіеся отъ другихъ списковъ. Мы невольно, при вопросѣ насъ занимающемъ, обращаемъ изыскателей нашихъ древностей на сей предметъ.

у Сербовъ, *das Lager* (zum B. des Hasen), *cubile*. (*Lager, ложе, постеля, le gîte, le lit; cubile; ложе, постеля, логовище, гнѣздо*). *Ложенье*, у Сербовъ, *das Legen, positio* (положеніе). *Ложити*, у нихъ же, *legen* (Z. B. Holz auf's Feuer), *ропо, «ватру, или дрова на ватру»* (ропо, класть, полагать, ставить), *Вука Стефановича, Српски рјечникъ*, столб. 372. Слѣдовательно въ «*лузѣ моря*», на ложѣ, въ ложѣ, на лонѣ, на руслѣ моря, какъ бы въ серединѣ моря, на самой водѣ моря, а не на берегу онаго.

Но прежде предложенія нашего мнѣнія по сему предмету, посмотримъ, что разумѣли Историки и Географы подъ словомъ Бѣлобережье. Всѣхъ, писавшихъ о первомъ, или Норманскомъ періодѣ нашей Истории, можно раздѣлить, въ отношеніи къ вопросу, насъ занимающему, на три отдѣла:

1) Тѣ, въ сочиненіяхъ которыхъ мы не находимъ даже самаго слова «Бѣлобережье». Сюда принадлежатъ: Хилковъ (1), Талызинъ (2), Эверсъ (3) и нѣкоторые другіе.

2) Сочинители, упоминающіе его. Таковы Ломоносовъ (4), Эминъ (5), Богдановичъ (6), Кн. Щербатовъ (7), Авторъ «Записокъ, касательно Россійской

(1) Ядро Россійской Истории. С. П. Б. 1799. 3-е изданіе.

(2) Краткая Исторія Россіи. С. П. Б. 1813. 2 ч. въ 8.

(3) Geschichte der Russen. Dorpat. 1816, in-8.

(4) Древняя Россійская Исторія. С. П. Б. 1760, въ 4.

(5) Россійская Исторія, соч. О. Эминъ, С. П. Б. 1767—69. 3 части, въ 8.

(6) Историческое изображеніе Россіи. С. П. Б. 1777.

(7) Исторія Россійская. С. П. Б. 7 томовъ, въ 4, 1771—91.

Исторіи» (1), Нехачинъ (2), Шереръ (3), и даже самъ Карамзинъ (4).

И наконецъ 3) Комментаторы, болѣе или менѣе, входившіе въ разсмотрѣніе вопроса, гдѣ находилось Бѣлобережье?

Татищевъ, при договорѣ Игоря, вмѣсто Бѣлобережья, ставитъ Бѣловѣжъ и говоритъ (въ прим. 113): «Бѣловѣжа, Словенское граду званіе, что Греки именovali Олбіа, Ольбіополисъ, Мелитополисъ и Митрополисъ». Онъ полагаетъ, что этотъ городъ находился «при устьѣ рѣчки Тягинки, на Западной сторонѣ Днѣпра». При описаніи возвращенія Святослава изъ Болгаріи объясняетъ (въ прим. 146): «Бѣлобережье не городъ, что Бѣловежа, при устьѣ Днѣпра, какъ Бѣльскій мнитъ, ибо сіе урочище видимо, что было пустое, или малаго селенія, ниже пороговъ (5)». Тотъ же Татищевъ, въ своемъ Лексиконѣ, помѣстилъ три Бѣловѣжи: 1) «Бѣловѣжа, инако Саркелъ, городъ на Донцѣ, построенъ Греками, по просьбѣ Казаровъ, не далеко отъ того мѣста, гдѣ въ первые

Бѣлгородъ Русской, въ 1593 году, построенъ былъ. 2) *Бѣлавѣжъ*, городъ былъ на правомъ берегу Днѣпра, который у Птолемея Ольвіополь и Борисѳена, у Плинія Альбіополь именованъ и положенъ отъ устья морскаго на 15,000 шаговъ. Въ договорѣ Олега съ Греки положенъ онъ такожъ близъ устья Днѣпра, а въ 965 году В. К. Святославъ, побѣдя Козаровъ, градъ ихъ главный Бѣлую Вежу взялъ и разорилъ; но какъ Птоломеемъ кладетъ его при устьѣ не именованной рѣчки, то мнится былъ старая Сѣча, или какъ въ старомъ чертежѣ, учиненномъ при В. К. Іоаниѣ III, написано, ниже рѣчки Ингульца 20 верстъ, пала въ Днѣпръ рѣка Тегинка, на устьѣ ея городище, а ниже онаго 30 верстъ, устье Днѣпра, и сіе видится сходиѣ. Сіе довольно видится, что Козары, Словяне были», и проч. 3) *Бѣлавесъ* и *Бѣлавѣжъ* былъ городъ, въ Малой Руси, Княженія Черниговскаго, на вершинѣ рѣчки Остра, о которомъ въ книгѣ «Большой Чертежъ» показано: нынѣ видѣтъ токмо валъ земляной». Бѣлобережья совсѣмъ нѣтъ, въ Лексиконѣ Татищева: потому, вѣроятно, что онъ считалъ это названіе одноименнымъ съ Бѣловѣжею (*). Слѣдовательно Татищевъ наше Бѣлобережье: а) превратилъ въ древнюю Ольвію, которая была, какъ извѣстно, построена на Бугѣ; б) полагаетъ, что Бѣловежъ (по его мнѣнію Бѣлобережье) должно искать на рѣчкѣ Тагинкѣ у Днѣпра, и с) что это же Бѣлобережье находилось ниже Днѣпровскихъ пороговъ. Татищевъ смѣшалъ Бѣлобережье съ

(1) Записки касательно Россійской Исторіи. С. П. Б. 1787—93, 5 частей, въ 8. Въ 1801 году одно заглавіе перепечатано, а текстъ остался тотъ же.

(2) Новое ядро Россійской Исторіи. М. 1809—10. 3 части, въ 8, 2 изданія.

(3) Des heiligen Nestors älteste Jahrbücher der Russischen Geschichte. Leipzig. 1774, in 4. Онъ только переводитъ наше Бѣлобережье: Weisses Ufer, см. стр. 74.

(4) Исторія Государства Россійскаго, Т. I. стр. 153 и 193, 2 изд.

(5) Исторія Россійская; 4 части, въ 4. Первые три въ М., 1764—1773, послѣдняя въ С. П. Б. 1784; см. книгу 2-ю, стр. 33, 54, 385 и 395.

(*) Лексиконъ Россійской Исторической, Географической, и проч. С. П. Б. 1793. 3 части, въ 8; см. 1 ч. стр. 129—130.

Бѣловѣжею отъ того, можетъ быть, что переводилъ Альбіополь на Русскій языкъ «бѣлою весью» или Бѣловѣ(е)жею.

Вагнеръ, при договорѣ, говоритъ: «.....Belo-Beresche, jetzt vermuthlich Bereschan»: слѣдовательно то же, что говорятъ Шлецеръ и Стриттеръ. Замѣтимъ однакожь, что Вагнеръ сказалъ это прежде ихъ слишкомъ за 16 лѣтъ (1).

Стриттеръ, въ текстѣ своей Исторіи, называетъ Бѣлобережіе «рѣкою», а въ примѣчаніи говоритъ, что это «озеро Березенъ, которое въ двухъ миляхъ ниже Очакова, узкимъ устьемъ съ Чернымъ моремъ соединяется и названо, на Русской ландкартѣ 1738 года, Березно, а въ Атласѣ Беречанъ (2)».

Елагинъ, при объясненіи договора, полагаетъ, что «переписчики Несторовой Лѣтописи ошибочно поставили Бѣлобережье, вмѣсто Бѣловѣжи, которая находилась на Днѣпрѣ и была не что другое, какъ древній Греческій городъ Ольвіополь или Мелитополь». Къ этому прибавляетъ мнѣніе Болтина, состоящее въ томъ, что «на развалинахъ этого города Татары, будто бы, построили городъ Кизыкерменъ». При описаніи похода и возвращенія Руссовъ изъ Болгаріи, говоритъ: «Святославъ принужденъ былъ зимовать въ устьѣ Днѣпра, при урочищѣ Бѣлобережье».

(1) Allgemeine Weltgeschichte, nach dem Plan W. Guthrie und J. Gray, etc. von D. E. Wagner; 70 Band. Brünn, 1789. Russische Geschichte, 1 Band; см. стр. 44 и 83.

(2) Исторія Россійскаго Государства, С. П. Б. 1800—1802, 3 части, въ 4. См. Ч. I, стр. 37 и 38.

Первое объясненіе есть мнѣніе Татищева; второе принадлежитъ самому Елагину (1).

Левекъ, ни при договорѣ, ни при описаніи войны Руссовъ противъ Болгаръ, не упоминаетъ о Бѣлобережѣ, и только говоритъ о Святославѣ: *arrivé non loin des écueils (les cataractes) dans la mauvaise saison, obligé d'y passer l'hiver*, etc.: слѣдовательно Левекъ полагалъ Бѣлобережье у самыхъ Днѣпровскихъ пороговъ (2).

Страль, при договорѣ, принимаетъ объясненіе Лербергово (о которомъ мы будемъ говорить ниже). При описаніи смерти Святославовой, Страль не упоминаетъ даже о Бѣлобережѣ. Онъ, изъ двухъ нападеній Печенѣговъ на Руссовъ, сдѣлалъ одно, а потому у него и нѣтъ извѣстія, гдѣ зимовалъ Великій Князь съ 971 на 972 годъ, и самый походъ на Болгаръ продолжается не до 971 года, а до слѣдующаго, въ которомъ былъ убитъ Святославъ (3).

Можетъ быть, Страль сдѣлалъ это съ намѣреніемъ: ибо видѣлъ, что Святославъ не могъ зимовать у Ахтіара, — мѣста, принадлежавшаго Грекамъ, въ договорѣ съ которыми онъ обязался не вступать въ ихъ владѣнія, находившіяся въ Тавріи (въ Корсунской странѣ) (4).

(1) Опытъ повѣствованія о Россіи. М. 1803, въ 8. См. стр. 236—237 и 310.

(2) Histoire de Russie, 4-e édition, par Malte-Brun et Depping. Paris, 1812. 8 vol., in 8, de texte, et 1 vol. in-4, de planches; см. Т. I, стр. 126—127 и 133.

(3) Ph. Strahl, Geschichte des Russischen Staates. Hamburg. 1832; i: 8, см. стр. 86 и 102.

(4) См. выше на стр. 72 примѣч. 2-е.

Въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ подъ словомъ «Бѣлобережье» полагаютъ это мѣсто въ устьѣ Днѣпра (1).

Шлецеръ объясняетъ Бѣлобережье: 1) Бѣлою рѣкою Константина Багрянороднаго, т. е. Днѣстромъ: потому что тутъ находится городъ Аккирманъ (Бѣлгородъ). 2) Рѣкою, озеромъ, заливомъ, островомъ, которые всѣ называются, какъ онъ увѣряетъ, Березень и всѣ близъ Одессы, и наконецъ 3) Отдаетъ на волю читателя «отыскивать въ *Berezini*, или берегъ, или Березень (корень названія Борисѡена)». Изъ этого видно, что критикъ Нестора ничего самъ не могъ рѣшить и, не зная какъ объяснить Бѣлобережье, первую половину этого слова ищетъ на Днѣстрѣ, а другую близъ Одессы (2).

Арцыбашевъ (въ Приступѣ къ повѣсти о Русскихъ, стр. 92 и 157—158) совершенно соглашается съ этимъ мнѣніемъ Шлецера.

Леклеркъ переводитъ мѣсто изъ договора: «*Ils (les Russes) ne les (Korsouners) empêcheront point de pêcher dans l'embouchure du Dniépre et ne passeront l'hiver, ni dans cette embouchure, ni sur la mer de Bélo-Bérésjé (mer Béréssoff)*», etc., а при описаніи смерти Святослава говоритъ, что онъ зимовалъ «*dans le voisinage de ces écueils (les cataractes)*» (3).

(1) Томъ 7-й, буквы Бѣа-Бѣл. С. П. Б. 1836, см. стр. 532.

(2) A. Schlötzer, Несторъ: *Russische Annalen*. Göttingen. 1802—1809, in 8; 5 Th. см. Th. 4., Kap. VIII, p. 83. Несторъ, Русскаго перевода, Ч. III, стр. 159—160.

(3) *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne*, par M. Le Clerc; in 4, 1783. T. 1, p. 126 et 142.

Всѣ эти объясненія можно соединить въ четыре главныя мнѣнія:

Бѣлобережье нашихъ Лѣтописей есть древній Греческій городъ Ольвія (Татищевъ, Елагинъ).

Оно находилось при самомъ устьѣ Днѣпра (Елагинъ, Энциклопедической Лексиконъ).

Это мѣсто есть не что другое, какъ нынѣшнее озеро Березань (Вагнеръ, Стриттеръ, Шлецеръ).

На Днѣстрѣ должно искать Бѣлобережья и именно тамъ, гдѣ Аккерманъ (опять Шлецеръ).

О пятомъ мнѣніи, что Бѣлобережье находилось у самыхъ пороговъ (Левекъ и Леклеркъ), кажется, нечего и упоминать, потому что оно уже слишкомъ неосновательно (*).

Есть еще одно объясненіе, о которомъ мы будемъ сейчасъ говорить.

Изъ числа всѣхъ, писавшихъ о семъ предметѣ, одинъ Лербергъ ясно видѣлъ, что всѣ сіи предположенія никуда не годятся: ибо какъ могъ Святославъ зимовать спокойно въ землѣ Печенѣжской? Всѣмъ извѣстно, что въ X вѣкѣ Сѣверные берега Понта были заняты Печенѣгами и они, не позволившіе Святославу пройти чрезъ Днѣпровскіе пороги, могли ли допустить, чтобы Руссы, въ маломъ числѣ, оставались невредимы цѣлую зиму на ихъ землѣ? Обѣ стороны Днѣпра, до самаго впаденія его въ Черное море, принадлежали исключительно Печенѣгамъ въ описываемую нами эпоху, а границы Русской земли оканчивалась рѣкою Росъ или Русъ, текущею у Бѣ-

(*) Мы не говоримъ здѣсь о мнѣніи тѣхъ нашихъ позднѣйшихъ Писателей, которые приняли одно изъ вышеприведенныхъ.

лой Церкви. Константинъ Багрянородный положительно свидѣтельствуеъ: «Distat autem Patzinacia.... a Russia unius diei (1)». Несообразность прежнихъ объясненій была слишкомъ очевидна и Лербергъ искалъ Бѣлобережья въ другомъ мѣстѣ. Ему оставался одинъ шагъ, для назначенія мѣстоположенія Бѣлобережья; но увлеченный объясненіемъ Палласа, что названіе Актіаръ значитъ на Татарскомъ языкѣ *бѣлый берегъ*, онъ принялся искать Бѣлобережья въ древней Тавридѣ (2). Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ покойнаго Лерберга, сколько, впрочемъ, ни уважаемъ его историческія разысканія и услуги, оказанныя древнему періоду нашей Исторіи. Актіаромъ, какъ извѣстно, называлось селеніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ Татарскихъ хижинъ, находившихся въ концѣ морскаго залива, нынѣ называемаго Севастопольскою рейдою. Могла ли эта ничтожная деревушка дать имя всей странѣ, ее окружавшей? Намъ очень извѣстно, что въ древней Географіи заливъ Севастопольскій назывался Ктеноскимъ, потомъ Херсонскимъ (3), а въ этихъ словахъ нѣтъ ничего сходнаго съ Бѣлобережьемъ. Татарское названіе «Актіаръ» не могло, конечно, явиться раньше XIII вѣка, и никакъ не можетъ служить объясненіемъ слову, которое мы встрѣчаемъ въ договорѣ

(1) Const. porphyrog. de Administ. Imp. pars II, cap. 37, p. 87. Венеціанскаго изданія.

(2) Лерберга, Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи; изданы по опредѣленію Имп. С. П. Бургской Академіи Наукъ, Ф. Кругомъ. С. П. Б. 1819, въ 4; см. стр. 376.

(3) Ktemus у Страбона, см. Strabo, etc. пер. Пенцеля, II, 926. Ktenuse у Тузмана, потомъ Limane de Cherson, см. Thounmann, Description de la Crimée, p. 37.

Игоря и при описаніи жизни Святослава. Самыя мѣловыя горы, на бѣлизнѣ которыхъ Лербергъ, главнѣйше, основалъ свою догадку, находятся въ концѣ залива, имѣющаго 7 верстъ длины и только отъ 2-хъ до полуверсты ширины, и едва ли могутъ быть видны съ моря для тѣхъ, которые плывутъ около Крыма и не имѣютъ намѣренія входить въ заливъ; слѣдовательно и Руссы, плававшіе изъ Днѣпра въ Азовское море, какъ думаетъ Лербергъ (1), не могли, по цвѣту горъ, дать названіе всему берегу (2). И зачѣмъ Греки запрещали Руссамъ (въ договорѣ съ Игоремъ) зимовать въ Бѣлобережѣ, если оно находилось у Ахтіара? Вѣдь для Русскихъ челноковъ не нужна была глубокая и безопасная гавань; Руссы могли столь же удобно зимовать и въ другихъ прибрежныхъ мѣстахъ Крыма, какъ и близъ Херсона. Но Греки именно запрещали Руссамъ зимовать въ такомъ мѣстѣ, которое не принадлежало ни имъ, ни Печенѣгамъ и, не имѣя на сіе собственно никакого права по владѣнію, они, послѣ разбитія Игорева войска, постановили въ договорѣ, чтобы Руссы тутъ не оставались долгое время. Бѣлобережье должно было находиться также не въ дальнемъ разстояніи отъ Византіи, на которую Руссы уже нѣсколько разъ нападали въ распахъ, а потому Греки и стра-

(1) Изслѣдованіе Лерберга, стр. 376.

(2) Рейда Севастопольскаго порта имѣетъ 7 верстъ длины и 2 ширины. Въ семи верстахъ отъ города на Востокъ, возвышаются, по обѣимъ сторонамъ рѣчки Черной, скалы изъ бѣлаго камня. *Статистическое описаніе Севастополя*, см. въ Журналѣ Минист. Внутр. Дѣлъ, 1840 г., № 8, ч. XXXVI; въ двухъ верстахъ отъ Севастополя, къ Западу, находятся развалины Херсонеса. *ibid.*

шились ихъ всегдашняго пребыванія вблизи столицы. Такое мѣсто, согласное со всѣми этими условіями, мы находимъ на прямомъ пути изъ Дибра (1) въ Грецію, близъ самыхъ береговъ Восточной Имперіи, безопасное отъ Печенѣговъ, и котораго Греческое названіе весьма ясно переведено на нашъ языкъ словомъ *Бѣлоберезье*. Это—островъ, лежащій противъ самой Дунайской дельты, извѣстный у древнихъ Географовъ подъ именемъ Левке, *Λευκή* Leucē, ile blanche, isola Bianca (2), Бѣлый островъ. Scylax, Павзаній, Стравонъ, Птоломей, Плиній, Аррианъ описы-

(1) Карамзинъ говоритъ, что устьемъ Дибра владѣли Херсонцы, а Русскіе могли, кажется, вмѣстѣ съ Херсонцами ловить рыбу въ Лиманѣ, или въ морѣ. *Истор. Рос. Гос. 2-е изд. Ч. I, стр. 193, прим. 335*. Это предположеніе Карамзина не имѣетъ никакого основанія. Гдѣ доказательство, что Греки владѣли устьемъ Дибровскимъ? Константинъ Багрянородный, описавшій столь подробно все относящееся до плаванія Руссовъ по Дибру, не говоритъ о семъ ни слова, и мы не знаемъ ни одного Греческаго города, который находился бы на Дибровскомъ лиманѣ. Еслибы дѣйствительно Греки имѣли право дозволить воинственнымъ Руссамъ ловить рыбу въ устьѣ Дибровскомъ, то, конечно, осторожные Византіицы упомянули бы объ этомъ въ одномъ изъ договоровъ, заключенныхъ ими съ Русью. Варяги, разбѣжавшіе свободно по всѣмъ угламъ Чернаго моря, грабившіе всѣ берега онаго, жившіе на островахъ Понта, конечно, не имѣли нужды въ дозволеніи отъ Грековъ. О Норманнахъ X вѣка, въ отношеніи къ праву народному, не лзя судить по понятіямъ народовъ XIX столѣтія. Руссы временъ Игоря не спрашивалъ ни у кого дозволенія ловить рыбу тамъ, гдѣ ему вздумалось.

(2) *Λευκός*, по Гречески *бѣлый*; отъ этого к рня происходитъ и Славянское слово «Левкасъ или Левканіе, составъ изъ толченнаго мѣла и клею сдѣланный и иконописцами подъ краски употребляемый» *Алексева, Церковный словарь*, М. 1815, см. Ч. II, стр. 257. Въ переводѣ Птолемеевой Географіи на Ита-

ваютъ нашъ островъ: потому что тутъ находился знаменитый храмъ Ахилла. Шлецеръ, въ своемъ Несторѣ, и Стафенгагенъ, въ своей Древней Географіи, смѣшали Левке — первый съ островомъ Св. Еферія, а второй съ Дромосомъ Ахилловымъ (1). На картѣ, приложенной къ «Observations sur les peuples barbares du Danube», нашъ бѣлый островъ названъ: «isle de serpens, en turc Jan Adassi; Melasite quae et Selina justa Const. Porphirog». Первое названіе справедливо: ибо не только Турки такъ его называютъ, но и въ Средніе вѣки онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Fidonisi (отъ *δφίς* и *νῆσος*, островъ змѣй) (2). Что же касается втораго, то у Константина Порфиророднаго нѣтъ острова подобнаго названія, и онъ называетъ Селиною рѣку, а не островъ. На немъ и въ самой древности не было другихъ жителей (3), кромѣ жрецовъ и прислужниковъ Ахиллова храма; но Греки во множествѣ посѣщали островъ и приносили богатые дары Ахиллу, при переѣздѣ ихъ изъ Греціи въ колоніи, расположенныя по берегамъ Чернаго моря. Съ водвореніемъ истинной Вѣры, по-

ліанскомъ языкѣ: «Alba, isola d'Achille», при описаніи Мисіи, см. стр. 157, перевода Ruscelli, in Venetia, 1574, in-4.

(1) Шлецера Несторъ, Ч. III, 159 и Древняя Географія, стр. 22.

(2) Koehler, Sur les îles et la course d'Achille, въ Mémoires de l'Académie Imp. de St. Pétersbourg, Т. X.

(3) Аммианъ Марцеллинъ именно говоритъ, что Leuce былъ необитаемъ и даже посѣтителіи никогда не оставались почевать на островѣ. *Ann. Marcel. lib. XXII, c. VIII*. Стравонъ полагаетъ Бѣлый островъ въ 500 стадіяхъ отъ устья Тираса. *Strabo, lib. VII, Немецкій переводъ Пенцеля, Т. II, стр. 920*. На IX картѣ Птолемеевой Географіи онъ названъ «Insula Achillis» и положенъ слишкомъ на Сѣверъ противъ устья Дибстра. См. *Geografia di Claudio Tolomeo* (Venetia, 1574).

сѣщенія поклонниковъ неминуемо должны были прекратиться; островъ опустѣлъ и храмъ остался безъ жрецовъ. Упадокъ всѣхъ зданій, находившихся на Левке, былъ еще усиленъ варварами, опустошившими Восточную Имперію. Келеръ (*) говоритъ, что хотя Бѣлый островъ и въ Средніе вѣка былъ постоянно необитаемъ, но варварскіе народы его посѣщали и даже оставались на немъ нѣкоторое время. Находясь близко отъ береговъ Болгаріи, Левке могъ служить крѣпостію, или складочнымъ мѣстомъ, для хранения всего награбленнаго варварами на твердой землѣ. Здѣсь они были въ безопасности: ибо берега Бѣлаго острова довольно высоки, и непріятель могъ быть открытъ далеко въ морѣ. Огромный храмъ Ахилловъ и другія зданія, тогда еще существовавшія, служили, вѣроятно, магазинами для награбленной добычи и вмѣстѣ убѣжищемъ отъ непогоды. Къ варварамъ, которые занимали нѣкоторое время нашъ островъ, должно причислить и Руссовъ, зимовавшихъ тутъ послѣ сдачи Цимисхію Дристры, въ 971 году. Левке, въ Средніе вѣка, на нѣкоторыхъ картахъ, названъ *Caseagia*; вмѣсто этого слова, должно читать *Casagia*, какъ думаетъ Келеръ. Если «*insula Chazagiae*» происходитъ (по его же мнѣнію) отъ Хазаровъ, владѣвшихъ этимъ островомъ, въ эпоху ихъ могущества, то Руссы имѣли тѣмъ болѣе права занять его, что Святославъ, разбивъ Хазаровъ, присоединилъ часть ихъ царства къ своему владѣнію. Подробная карта Бѣлаго острова, съ планомъ сохранившихся на немъ зданій, снята, въ 1823 году, Капитаномъ Критскимъ,

(*) Koehler, I, c.

по приказанію Адмирала Грейга. Она приложена къ «Разсужденію Академика Келера о ристалищѣ и островахъ, посвященныхъ Ахиллу», въ X Томѣ *Mémoires de l'Académie Imp. de St. Pétersbourg*. Островъ находится въ 42 верстахъ отъ ближайшаго берега и имѣетъ до двухъ верстъ въ окружности. Онъ возвышается отъ 10 до 17 сажень надъ поверхностію моря. Теперь его посѣщаютъ только одни рыболовы и пристають въ трехъ разныхъ мѣстахъ. Одно мѣсто, въ особенности, весьма удобно для причала малыхъ лодокъ: оно имѣетъ менѣе двухъ сажень глубины (*). Поверхность острова содержитъ до 16 десятинъ земли, изъ коихъ до четырехъ могутъ быть заняты подъ хлѣбопашество: ибо почва земли весьма плодородна, по причинѣ множества птичьяго помета. Чайки и дикіе голуби находятся на островѣ въ такомъ огромномъ количествѣ, что не лзя сдѣлать двухъ шаговъ, не встрѣтивъ и даже не наступивъ на ихъ гнѣзда. Развалины Ахиллова храма еще существуютъ: это было квадратное зданіе, имѣвшее по двѣнадцати сажень протяженія съ каждой стороны. Стѣны и теперь возвышаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на полтора аршина. Кромѣ

(*) Въ Патерикѣ, листъ 72-й: «Множащимся братіямъ въ пещерѣ, восхотѣ блаженный Никонъ отъити на уединеніе и единъ о себѣ безмолствовать; тѣмъ же, по совѣту Преподобнаго Антонія совѣщавая съ другимъ черноризцомъ, иже бысть Болгаринъ, отъ Святыя горы, изъ монастыря Св. Мины, отъиде съ нимъ и пришедши къ морю разлучишася. Болгаринъ убо идый къ Константинограду обрѣте островъ среди моря и вселися въ немъ», и проч. Это нашъ Бѣлый островъ, «среди моря», на пути въ Царьградъ, и на которомъ можно было «безмолствовать» во всей силѣ слова, ибо онъ не имѣлъ жителей.

главнаго храма, сохранились еще развалины трехъ другихъ зданій и всѣ (равно какъ и храмъ) постройки изъ огромныхъ массъ известковаго камня, сложенныхъ безъ цемента. Эта кладка стѣнъ извѣстна подѣ именемъ циклопской постройки и доказываетъ отдаленную древность всѣхъ строеній нашего острова. Снаружи всѣ зданія были обложены бѣлымъ мраморомъ, и теперь еще замѣтнымъ, по цѣлымъ кускамъ карнизовъ, имѣющихъ до трехъ футовъ длины. Кромѣ всего этого, видны у береговъ острова, въ разныхъ мѣстахъ, подѣ водою, большіе камни, отвалившіеся отъ несуществующихъ уже построекъ и упавшіе въ море съ высокаго берега. Длинная стѣна, почти во всю ширину острова, защищала его, со стороны Болгаріи, отъ нечаянныхъ нападеній съ твердой земли. Названіе *Λευκή* и наше Бѣлобережье даны были острову не отъ цвѣта горнокаменныхъ породъ, составляющихъ его—ибо известковыя скалы цвѣта темнокраснаго, но по причинѣ зданій изъ бѣлаго камня и бѣлаго мрамора, которыя покрывали почти весь островъ и были видны со всѣхъ сторонъ далеко въ морѣ. Это мнѣніе нашихъ морскихъ Офицеровъ, снимавшихъ карту и планы зданій (1), тѣмъ болѣе подкрѣпляетъ наше собственное, что Несторъ не называетъ *Λευσε* «бѣлымъ островомъ», а только Бѣлымъ берегомъ (2), то есть, имѣющимъ одни берега бѣлые, на которыхъ, какъ мы уже знаемъ, находились бѣлыя стѣны и зданія, обложенныя такого же цвѣта мраморомъ. Около храма находятся три

(1) *Koehler*, 1. с.

(2) «На Бѣлѣ берегу» *Λητοпись* по списку Архангелогородскому, стр. 22.

колодезя, изъ коихъ одинъ имѣетъ глубины до 15 футовъ и въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько цистернъ: во всѣхъ вода пріятнаго вкуса.

Изъ всего вышеписаннаго открывается, что для малаго числа Святославовыхъ воиновъ и въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они находились, не лѣзя было найти мѣста, для зимовки удобнѣе и безопаснѣе нашего Бѣлаго острова. Имъ ненужно было строить хижинъ, или копать землянокъ для наступавшей зимы: изящный храмъ Аполлоновъ и другія зданія представляли всѣ удобства для помѣщенія какъ самихъ воиновъ, такъ равно и всего награбленнаго, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, въ Болгаріи, Фракіи и Македоніи. Островъ, конечно, не представлялъ никакихъ средствъ къ продовольствію (1); но Руссы X вѣка, находясь въ 40 верстахъ отъ Дунайской Дельты, и располагавшіи, по своему произволу, ладьей и мечемъ, не могъ терпѣть голода при благопріятной погодѣ. Намъ извѣстно однакожъ, что въ зимнее время, на Черномъ морѣ, бываютъ продолжительныя бури, не позволяющія лодкамъ плавать по влажной стихіи. Въ это время, именно, Руссы должны были терпѣть голодъ, что намъ и засвидѣтельствовано Несторомъ: «и не бѣ оу нихъ брашна оуже, и бѣ гладь великъ, яко по лугривнѣ глава коняча» (2).

(1) Мы не говоримъ здѣсь о голубяхъ и другихъ птицахъ, въ безчисленномъ количествѣ живущихъ на Бѣломъ островѣ. Тамъ также растетъ очень много *Triticum repens*, Lin. и *Chenopodium*. Все это могло служить пищею, по крайней рѣ, на нѣкоторое время.

(2) *Λητοпись* Нестора по списку Мниха Лаврентія, стр. 43.

Мы не только совершенно увѣрены, что Leuce есть Бѣлобережье нашихъ Лѣтописей, но полагаемъ еще, что сей островъ былъ занятъ Руссами и во все время ихъ пребыванія въ Болгаріи, ибо таково военное правило Норманновъ. Они всегда занимали и укрѣпляли острова, находившіеся при впаденіи въ море большихъ рѣкъ, по которымъ прокладывали себѣ путь въ непріятельскую землю. На этихъ островахъ Скандинавы назначали постоянное свое пребываніе, оставляли своихъ женъ и дѣтей и сохраняли всю добычу, собранную съ ограбленной страны. Изъ сихъ безопасныхъ пріютовъ, окруженныхъ водою, Норманны высылали свои отряды на грабежъ, и они служили имъ вѣрнымъ убѣжищемъ въ случаѣ неудачи. Вотъ, что говорятъ Историки о Норманскихъ набѣгахъ на Государства Западной Европы: «Норманны, на своихъ лодкахъ, плавали близъ самыхъ береговъ твердой земли и всегда учреждали, при впаденіи въ море каждой большой рѣки, особенный пріютъ, служившій имъ защитой при отступленіи. Отсюда они нападали, нечаянно, на слабо-защищенные окружныя страны и здѣсь хранилась вся добыча, собранная ими въ продолженіе набѣговъ (1). Скандинавы всегда занимали малые острова, находившіеся близъ твердой земли: потому что, по малочисленности воиновъ, гораздо было удобнѣе защищать малыя пространства, окруженные со всѣхъ сторонъ моремъ (2). На такихъ островахъ, при впаденіи большихъ рѣкъ въ море, Норманны дѣлали укрѣпленія, проводили въ нихъ зиму, строили тутъ дома

(1) *Depping, Hist. des expéd. des Normands*, 1, 83.

(2) *Ibid.*, 1, 87.

въ одну линію и рядомъ одинъ подлѣ другаго. Сюда свозили плѣнныхъ и складывали все ими награбленное (1)». Уже въ концѣ V, или началѣ VI вѣка, Норманны завоевали острова Оркадскіе и отсюда производили грабежи по всей Сѣверной Англіи и Шотландіи (2). Въ 820 году они заняли островъ Олеронъ, на берегахъ Пуату, и опустошили отсюда всю Западную Францію (3).

Скандинавы, въ 830 году, овладѣли, при впаденіи Луары въ Океанъ, островомъ, на которомъ находилось богатое Аббатство Св. Филиберта, основанное Карломъ Великимъ. Этотъ островъ получилъ съ тѣхъ поръ названіе Noirmoutier, отъ Nigrum monasterium: ибо пираты сожгли Аббатство, поселились тутъ и изъ этого притона, вверхъ по Луарѣ, отправлялись, каждое лѣто, грабить внутренность Королевства (4), а на зиму возвращались на островъ (5).

Въ это же время они водворились и на островѣ Ре (Rhé), гдѣ находился монастырь Св. Дѣвы, и опустошили всю Аквитанію (6).

Около того же 830 года завоевали Норманны, при устьѣ Маса (Meuse), островъ Горею (Gorée), съ находившимся на немъ городкомъ Witland (7).

Въ 837 году Норманны овладѣли островомъ Валхерномъ. Тогда они пустились грабить по Рейну,

(1) Thierry, *Hist. de la conquête de l'Angl.* 1, 100.

(2) *Depping*. 1, 87.

(3) *Toussaint — Richebourg, Hist. de la Normandie*, 1, 36—37.

(4) *Depp.* 1, 110. *Des Michels, Histoire du moyen-âge*, 11, 455.

(5) *Ibid.* 1, 201.

(6) *Ibid.* 1, 111.

(7) *Ibid.* 1, 112.

Масу, Дилу, Лису, Леку и другимъ рѣкамъ нынѣшней Голландіи и Бельгіи (1).

Въ концѣ первой половины IX вѣка островъ Бастъ (Bas), на берегу Бретани, былъ занятъ Скандинавами, и они изъ этого новаго пріюта также начали свои грабежи вверхъ по Луарѣ, взяли Нантъ, въ 843, и въ семъ же году овладѣли другимъ островомъ (l'île de Nèr). Здѣсь, вытащивъ свои лодки, они расположили ихъ въ видѣ ретраншемента, по срединѣ котораго выстроили дома (2), поселились въ нихъ, лечились отъ ранъ и болѣзней и сюда свозили Франковъ, захваченныхъ въ плѣнъ, не забывая однакожъ высылать отряды для грабежа по Луарѣ во внутренность Франціи (3). Но награбленныхъ вещей, пожитковъ, золота, серебра и плѣнныхъ было столь

(1) Des Michels, II, 431. Dep. 1, 216—219.

(2) Benoit de St. Maur, Chronique des Ducs de Normandie, L. 1.
Вотъ, что сказано въ этой Хроникѣ:

«A Saint-Florenz de suz Saumur
Cum il ne fussent pas segur,
Firent une defension,
Grant forteleste e grant cloison,
En une isle suz l'abeie
Traistrent ensemble lur navie
Tue ordenee en roundesce,
Es en firent grant fortaleste,
Li mast dunt nombres n'ert petiz
Ne ressembloient mais plaissiz», etc.

(3) Depp. 1, 127—128. Des Michels, II, 433—436. Ibi mapalia instar aedicaverunt burgi quò captivorum greges catenis adstrictos asservarent, ipsique pro tempore corpora a labore reficerent. (Ex mirac. S. Bened). Ibi contubernium statuunt, quidquid alicubi deprædarentur eò conferentes. Ex mir. S. Maxim. Micac).

много, что Норманны принуждены были занять еще другой островъ (1).

Въ это же время Норманны основали постоянное мѣстопробываніе въ устьѣ Гаронны, и отсюда начали грабить берега Португалліи и Испаніи (въ 844 году) (2). Этотъ притонъ, при устьѣ Гароны, существовалъ и въ 848—49 годахъ. Норманны тамъ зимовали еще въ 850 г., и оттуда грабили Аквитанію, до самой Тулузы (3); даже въ 854 г. Хроники упоминаютъ объ нихъ въ этомъ мѣстѣ (4).

Скандинавы, конечно, имѣли осядлость на островахъ Сены: ибо, при опустошеніяхъ береговъ этой рѣки, въ 845 г., Лѣтописи рассказываютъ о повѣшанныхъ Франкахъ на одномъ островѣ и плѣнныхъ, которыхъ пираты держали на островѣ Сены (5). Норманны на островахъ Сены находились еще и въ концѣ IX вѣка (послѣ 891 года).

Въ половинѣ IX вѣка Норманны занимали островъ при впаденіи Рейна въ Сѣверное море и туда свозили плѣнныхъ, захваченныхъ при грабежѣ обоихъ береговъ этой рѣки (6).

Во Фландріи, при устьѣ Escaut, Сѣверные пираты, по выраженію Лѣтописцевъ, занимали крѣпкое и удобное мѣсто. Деппингъ думаетъ, что это было Lillo: ибо «Lille ôe» на Датскомъ языкѣ значитъ *Малый островъ* (7).

(1) Depp. 1, 131.

(2) Ibid. 1, 134.

(3) Ibid. 1, 146.

(4) Ibid. 1, 154.

(5) Ibid. 1, 136.

(6) Ibid. 1, 147.

(7) Ibid. 1, 149.

Острова, занятые Норманнами, при устьяхъ рѣкъ Франціи, составляли родъ небольшихъ, отдѣльныхъ Республикъ. На нихъ иногда происходили сраженія между разными шайками Скандинавовъ. Такъ на островѣ Bieg, или Нег, укрѣпленномъ и имѣвшемъ уже дома, въ которыхъ жили Сѣверные пришлецы, происходило сраженіе между шайкою Гастинга и другою, подъ начальствомъ Сидрока. Сія послѣдняя осадила первую, хотѣла взять приступомъ укрѣпленіе; но, получивъ требуемое количество золота и серебра, отправилась грабить по Сенѣ, предоставивъ весь островъ и все теченіе Луары во власть Гастинга (1). Эта шайка оставалась тутъ и въ 854 году (2). На одномъ островѣ Сены также дрались двѣ шайки Норманновъ, въ 872 году, но скоро помирились, раздѣля добычу, и каждой пришлось по 5000 фунтовъ золота (3).

На Сенѣ былъ занятъ Норманнами еще одинъ островъ Oissel, и самое имя его происходитъ, вѣроятно, отъ Скандинавовъ: ибо существуютъ два острова этого имени, одинъ въ Даніи, другой въ Финляндскомъ заливѣ (Oesel).

По этой же рѣкѣ, на другомъ островѣ, находилось мѣстопробываніе Сѣверныхъ пиратовъ. Онъ называется, въ дипломахъ Среднихъ вѣковъ, Cort-holm и Torholm (4), видимо — Скандинавскимъ именемъ. На первомъ Карлъ Лысый осадилъ Сѣвер-

(1) Depp. 1, 153.

(2) Ibid. 1, 157.

(3) Richebourg, 1, 58. Depping, 1, 180.

(4) Depp. 1, 169—170.

ныхъ людей (Nordliudi (1), находившихся тамъ въ весьма маломъ числѣ и почти безъ сѣстныхъ припасовъ; но принужденъ былъ снять осаду, а Скандинавы захватили всѣ суда, на которыхъ прибыли воины Французскаго Короля и укрѣпили весь этотъ островъ (2). Отсюда они отправлялись, когда хотѣли, грабить всѣ внутреннія области Франціи и самый Парижъ, и возвращались безнаказанно опять на свой островъ (3).

Островъ Камаргъ (Camargue) былъ занятъ шайкою Гастинга, которая отсюда, вверхъ по Ронѣ, производила большіе грабежи даже до Валанса (4).

Въ 860 году, Норманны наконецъ водворились на островѣ, находящемся при впаденіи въ море рѣки Соммы, такъ точно, какъ они уже поселились при устьяхъ всѣхъ прочихъ рѣкъ Франціи, и тогда не оставалось ни одной значительной рѣки въ семь Государствъ, которая не была бы занята пиратами (5), и по которой не грабили бы они во всякое время несчастное Королевство.

Деппингъ полагаетъ, что и на рѣкѣ Жирондѣ (во Франціи) былъ приютъ Норманновъ (6).

Около 873 года, Скандинавы, поселившіеся на островахъ Луары, овладѣли Анжеромъ и перевезли туда женъ и дѣтей своихъ, которыя до того време-

(1) Такъ Норманны названы въ Лѣтописяхъ города Меца, и de St. Bertin. Depp. II, 264.

(2) Depp. 1, 174.

(3) Des. Michels, II, 462.

(4) Annal. Bertin. an. 860, и Des Michels, II, 449.

(5) Depp. 1, 175—177.

(6) Ibid. I, 202.

ни всегда оставались на островахъ, при устьѣ рѣки. Анжеръ было первое мѣсто на твердой землѣ, въ которомъ водворились Норманны, до тѣхъ поръ занимавшіе, исключительно, только одни прибрежные острова (1).

Эти острова признавалъ даже самъ Король Французскій за принадлежащіе пиратамъ: ибо, при обратномъ взятіи Анжера, имъ дозволено было спокойно возвратиться на ихъ Лоарскій островъ, и отсюда производить торговлю съ Франками (2). Но, вмѣстѣ съ торговлею, Норманны не забывали грабить и опустошать Бретань, Анжу, Манъ и другія области (3). Пребываніе разныхъ шаекъ Скандинавовъ, смѣнявшихъ одна другую, продолжалось, на островахъ Луарскихъ, слишкомъ сто лѣтъ и они только въ 936 году были изгнаны отсюда (4).

Въ Англіи то же самое. Сначала Норманны, грабивъ прибрежныхъ жителей, возвращались во-свои; но потомъ начали они опустошать и самую внутренность страны, плавая вверхъ по главнымъ рѣкамъ и оставляя всегда, также какъ и во Франціи, небольшие отряды, въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, у морскаго берега, для защиты и подкрѣпленія при обратномъ походѣ въ Скандинавію (5). Въ 988 г. Норманны, прибывшіе на семи судахъ, заняли островъ Thanet и отсюда опустошали берега Графства Кентскаго (6).

(1) Depp. 1, 203.

(2) Ibid. 1, 207.

(3) Richebourg, 1, 84. Depp. 1, 208—209.

(4) Ibid. 1, 124. Thierry, 1, 131. Depping, 11, 83.

(5) Thierry, 1, 100.

(6) Ibid. 1, 133.

Въ половинѣ XI вѣка Скандинавы, на 60 судахъ, заняли островъ Wigh (Вейтъ), у береговъ Англіи; отсюда производили грабежи по всему Южному берегу и высадки въ область Йоркскую (1). Острова у береговъ Англіи: Манъ, Anglesey и другіе также были заняты Норманнами (2).

На островахъ, занятыхъ Норманнами, какъ думаетъ Деппингъ (3), происходили и выкупы взятыхъ въ плѣнъ Франковъ: ибо иначе не лзя объяснить безчисленнаго количества плѣнныхъ, захваченныхъ Скандинавами, въ продолженіе слишкомъ ста лѣтъ, во Франціи, Англіи, Голландіи и другихъ мѣстахъ.

Все эти происшествія, изъ которыхъ большая часть современны описываемой нами эпохѣ, доказываютъ, что первое дѣйствіе Норманновъ состояло въ томъ, чтобы занять одинъ изъ острововъ, находившихся при устьѣ той рѣки, по которой они принимали вторженіе въ непріятельскую землю. Какъ же послѣ этого не согласиться, что единственный островъ, находящійся предъ Дунайскою Дельтою, не могъ не быть занятъ Руссами, при нападеніи ихъ, посредствомъ этой рѣки, на Болгарію? Нашъ Бѣлый островъ сверхъ того находится въ нѣсколькихъ часахъ плаванія отъ Диѣпровскаго Лимана и берега, на которомъ теперь построена Одесса (4). Мы даже, съ бѣльшимъ правдоподобіемъ,

(1) Richebourg, 1, 224.

(2) Depping, 11, 199.

(3) Depp. 11, 88.

(4) «Odessa fût quittée à la nuit tombante, le 4. Novembre; le lendemain du départ nous passions, à une petite distance, de l'île des Serpents, la seule île de la mer Noire. C'est la Leucé, Leuké, l'île Blanche des Anciens. . . Enfin le 6 Novembre,

можемъ допустить, что Бѣлобережье было постоянно занимаемо Руссами, около половины IX вѣка, какъ единственный, безопасный пріютъ на Черномъ морѣ и на прямомъ пути въ Царьградъ. Здѣсь могло быть складочное мѣсто и рынокъ тѣхъ товаровъ, которыми Руссы производили торгъ съ Византіею и въ особенности невольниковъ (челядь); сюда могли они удаляться, при неудачныхъ предпріятіяхъ: тутъ они, вѣроятно, снаряжались для нападенія на Византію и оставляли своихъ больныхъ и раненыхъ. На Бѣлобережьѣ Руссы могли, какъ и на островѣ Св. Георгія, чинить свои суда, отдыхать отъ труднаго морскаго пути и, можетъ быть, по обычаю Норманскому, тамъ оставляли своихъ женъ и дѣтей. Мы знаемъ, что Аскольдъ и Диръ отправились изъ Кіева въ 866 году, конечно, весною, а возвратились уже въ 867 г., вѣроятно, въ концѣ лѣта. Легко можемъ допустить, что послѣ бури, разбившей ихъ суда, осталшая часть Руссовъ зимовала на Бѣлобережьѣ и отсюда отправлялась грабить близъ лежавшія Византійскія области. Пребываніе Руссовъ на Бѣломъ островѣ весьма непріятно было для Греческой Имперіи, и потому-то Императоръ (послѣ разбитія Игоря) постановилъ въ договорѣ, чтобы Русь не зимовала на Бѣлобережьѣ, — условіе, вѣроятно никогда не исполнявшееся со стороны нашихъ предковъ. Византія, вооруженною рукою, не могла принудить Руссовъ оставить островъ: ибо берега его столь высоки, что

le plus doux soleil d'automne, la mer la plus calme et la plus limpide, favorisaient notre entrée dans le Bosphore.... Voyage d'A. Démidoff dans la Russie méridionale, p. 613.

въ большомъ отдаленіи отъ нихъ можно видѣть приближеніе флота, и тогда нашимъ Варягамъ стоило только сѣсть въ свои челноки и безопасно плыть къ Днѣпровскому берегу, отстоящему оттуда на нѣскольکو часовъ плаванія, какъ мы уже видѣли. Замѣтимъ еще, что Византія никогда сама не нападала на Руссовъ, а напротивъ сіи послѣдніе не оставляли ея долго въ покоѣ. Сверхъ того къ самому Бѣлобережью не могутъ приставать большіе корабли (*), да и къ чему послужило бы нападеніе на Бѣлый островъ открытою силою? Если допустимъ даже, что Руссы стали бы ожидать Грековъ и были бы ими прогнаны съ острова, то и въ такомъ случаѣ нашимъ Варягамъ столь же легко было возвратиться опять туда на своихъ челнокахъ, какъ и покинуть его. Оставались еще два средства: постоянное крейсерство (какъ мы нынче говоримъ) цѣлой эскадры Византійской вокругъ острова и занятіе его Греческимъ гарнизономъ. Но Восточная Имперія, окруженная сильными непріязненными народами, въ непрерывной борьбѣ съ безначаліемъ и неповиновеніемъ отдѣльныхъ областей, почти во всегдашней войнѣ съ Болгарами и Сарацынами, не могла посылать отдѣльныхъ флотилій для защиты каждаго изъ множества ей принадлежавшихъ острововъ. Послѣднее средство т. е. занятіе Бѣлобережья гарнизономъ, также не послужило

(*) На «Carte des environs de la mer Noire, par Robert de Vaugondy, géographe du Roi, corrigée par Delamarche en 1783», полѣ нашего острова выгравировано: «Ilan Adassi, ou l'île des serpens, est d'un abord très difficile, même pour les petits bateaux, à cause de l'impétuosité de l'embouchure du Danube et d'un courant formé par les bouches du même fleuve».

бы ни къ чему. Небольшой отрядъ, по срединѣ Чернаго моря, въ 40 верстахъ отъ непріязненныхъ Болгаровъ и другихъ народовъ, занимавшихъ Сѣверные берега Понта, былъ бы изрубленъ, или захваченъ въ плѣнъ, при первомъ нападеніи Руссовъ. И такъ Византійцамъ ничего другаго не оставалось, какъ прибѣгнуть къ дипломатическимъ сношеніямъ, столь непрочнымъ въ отношеніи Норманновъ, и терпѣливо сносить грабежи Руси, какъ переносили Французскіе Короли всѣ опустошенія Скандинавовъ, владѣвшихъ также, въ продолженіе ста лѣтъ, островами при впаденіи рѣкъ Франціи въ Океанъ и Сѣверное море.

Но, доказавъ, какъ намъ кажется, постоянное правило Норманновъ—занимать прибрежные острова, теперь слѣдовало бы назвать и тѣ изъ нихъ, которые находились при впаденіи нашихъ рѣкъ въ море: ибо намъ положительно извѣстно, что Руссы производили грабежи по всѣмъ морямъ, окружавшимъ древнюю Русь, и плавали по всѣмъ ея большимъ рѣкамъ. Тутъ, хотя, а priori, и нѣтъ сомнѣнія, что то же военное правило произвело и подобныя послѣдствія, но доказательства a posteriori весьма трудны. Мы не имѣемъ тѣхъ монастырскихъ Лѣтописей и стихотворныхъ разсказовъ, въ которые Западные Европейцы вносили свои жалобы и возгласы на грабительство Норманновъ (*). Попытаемся однакожь

(*) Напримѣръ Robert Vace, въ «*Roman du Rou*»; le poëme galique dans le «*Recueil d'Evans*»; Benoit de Sains Maur *Chronique des ducs de Normandie*. Depping, въ *Pièces justificatives*, въ концѣ II части, *Guglielmi Apuli historicum poema de rebus Normannorum*, etc. (apud Murat. t. v.) и другіе. Монастыр-

сдѣлать что можемъ. Здѣсь мы прибѣгнемъ къ источнику, еще не тронутому и недавно открытому тѣмъ нашимъ Оріенталистомъ, который, въ послѣднее время, пролилъ столь яркій свѣтъ на первую эпоху нашей Исторіи.

Не подвержено, кажется, никакому сомнѣнію, что Варяги, еще задолго до основанія великаго Княженія въ Новѣгородѣ, проложили себѣ водный путь въ Черное море. Наши Лѣтописи весьма ясно свидѣтельствуютъ о дани, которую имъ платили Славяне, до прибытія Рюрика (*). Несторъ говоритъ: «Наченію Михаилу царствовать, начася прозывати Русска земля, ш семь бо оувѣдохомъ, яко при семь Цари приходиша Русь на Царьгородъ якоже пишется въ лѣтописаніи Гречьстѣмъ: тѣмже штселе почнем и числа положимъ» (Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 11). Слѣдовательно Несторъ начинаетъ свою Лѣтопись съ того времени, когда Руссы, въ первый разъ, напали на Царьградъ, именно съ 866 года; всѣ предыдущіе переѣзды Варяговъ, чрезъ нынѣшнюю Россію, не входили въ его повѣствованіе. Два водные пути, которыми Варяги могли достигнуть Царьграда, изъ Скандинавіи, весьма ясно описаны у Нестора. Они плыли Невою, Ладожскимъ озеромъ, Волховомъ, Ильменемъ, Ловатю; отсюда перетаскивали свои ладьи въ Днѣпръ и потомъ, сею рѣкою, входили въ Черное море; или изъ Балтійскаго моря плы-

скихъ Лѣтописей мы не исчисляемъ, потому что онѣ всѣмъ извѣстны.

(*) «Въ лѣто ~~833~~ ⁸³² ямаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнхъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ». Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 12.

ли вверхъ по Двинѣ, до Оковскаго лѣса; тутъ также перетаскивали свои ладьи до Днѣпра и сею рѣкою плыли въ Черное море (1). Послѣдній путь былъ короче и на немъ найдено гораздо болѣе Арабскихъ монетъ и даже битыхъ въ Африкѣ (между 639—815 годами), чѣмъ на первомъ пути (2).

И такъ въ нашихъ Лѣтописяхъ мы не найдемъ описанія грабительствъ Варяжскихъ до 866 г., а съ этого времени помѣщались въ нашихъ Временникахъ только большія государственныя предпріятія, какъ то: нападенія Аскольда и Двѣра, Олега, Игоря, Святослава. О частныхъ грабежахъ разныхъ шаекъ Варяжскихъ нѣтъ и помину: ибо Несторъ предположилъ писать Лѣтопись Русскую со времени основанія Государства, а не частную хронику всего того, что дѣлали Варяги до 866 года, въ нынѣшней Россіи. Сверхъ того благочестивому монаху XII вѣка совѣстно и стыдно было описывать грабительства и опустошенія язычниковъ надъ Христіанами Восточной Имперіи. И при описаніи набѣговъ Аскольда и Двѣ-

(1) Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 4.

(2) Изъ счета найденныхъ Куфическихъ и Арабскихъ монетъ въ Россіи, открывается, что по чертѣ Невскаго пути этихъ находокъ обрѣтено гораздо менѣе, чѣмъ по Двинскому сообщенію. По первому водному пути: на Невѣ одна находка, у Ладожскаго озера двѣ и у Великихъ Лукъ, на Ловати, двѣ; всего пять кладовъ. По Двинскому же пути: въ Курляндской Губерніи двѣ, въ Лифляндской — шесть, и въ самомъ Витебскѣ, на Двинѣ, — одна находка; всего по этому водному сообщенію девять кладовъ. См. С. М. Fraehn, Topograph. Uebersicht der Ausgrabungen, etc. Bull. de l'Académie, T. IX, № 20 и 21. Мы здѣсь не говоримъ о находкахъ въ Губерніяхъ Могилевской, Минской и Смоленской: ибо тутъ на Днѣпрѣ сходились оба пути.

ра, Олега, Игоря, онъ не иначе называетъ языческую Русь, какъ «безбожною», и съ отвращеніемъ рассказываетъ, какъ Руссы жгли святыя храмы и грабили монастыри. А какъ всѣ подвиги Варяговъ, до принятія Христіанской Вѣры, состояли исключительно изъ подобныхъ предпріятій, то и нѣтъ никакого сомнѣнія, что Несторъ съ намѣреніемъ не включилъ въ свою Лѣтопись всего того, что могло усилить отвращеніе его современниковъ къ ихъ прадѣдамъ.

Мы знаемъ положительно, что, въ самомъ началѣ X вѣка, цѣлыя шайки Руссовъ и Варяговъ вступали уже въ службу Императорскую; изъ этого можемъ, кажется, вывести заключеніе, что настоящій разгулъ и владычество ихъ на Черномъ морѣ было въ IX вѣкѣ, а можетъ быть и ранѣе. Скандинавы не охотно вступали въ службу иностранныхъ Государей и не любили подчинять себя дисциплинѣ и повелѣніямъ чуждаго вожда. Они предпочитали, конечно, разгульную жизнь своихъ республиканскихъ ватагъ подчиненности благоустроеннаго войска. Слѣдовательно, по нашему мнѣнію, если они принуждены были, въ X вѣкѣ, вступать въ службу Византійскую (*), то это значитъ, что грабежи по Черному

(*) Въ 902 году Руссы уже служили на Греческомъ флотѣ и имъ платили тогда 100 лентъ золота. *Шприттеръ, Изв. Визант. Ист. Ч. I, т. I, стр. 21.* Въ числѣ войска, отправленнаго въ Италію, въ 935 году, находились Руссы и Варяги. *Ibidem стр. 22 и 164.* Десять лѣтъ спустя, Руссы опять упоминаются въ составѣ войска Византійскаго. *Ibidem, стр. 28.* Въ 949 году они отправлены были на островъ Критъ, на девяти Русскихъ корабляхъ. *Ibid, стр. 29.* Руссы участвовали, въ 962 году, въ войнѣ Грековъ противъ Сарацинъ. *Ibidem, 36.* Въ 964 г. наши Руссы сражались въ Сициліи, какъ наемни-

морю производились не столь легко, какъ въ IX вѣкѣ. И дѣйствительно, Печенѣги, нахлынувшіе на Южную Русь въ началѣ X вѣка, уже заслонили путь, ведущій въ Черное море, и ожидали Руссовъ при порогахъ (*). Тутъ должно было, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, при каждомъ плаваніи, сражаться съ симъ кочевымъ народомъ, и это могли дѣлать только большія ополченія, напримѣръ Аскольдъ и Диръ, Игорь,

ки Византійцевъ. *Карамзинъ, Ист. Рос. Гос.* 1, 170, (2-е изд.). В. К. Владиміръ, въ 980 г., отпустилъ нанятыхъ имъ Варяговъ въ Царьградъ на службу къ Имп. Василию. *Несторъ, по Лаврент. списку, стр. 47.* Въ царствованіе этого Императора и подъ его начальствомъ, Руссы разбили, при Хрисополѣ, бунтовщика Калокира и спасли Царьградъ отъ осады. *Шприттеръ, Изв. Виз. Ист.* 1, 101. Въ 1016 году они сражались вмѣстѣ съ Греками противъ Хазаровъ; другой отрядъ Руссовъ участвовалъ въ покореніи крѣпости Лонга, въ Македоніи. *Ibidem, стр. 103.* Руссы, подъ начальствомъ Деспота Ники, въ 1027г., опустошили Сицилію. *Lupus Protospata, въ Antiqui Chronologi quatuor, etc.* Варяги составляли Греческое войско, занимавшее, въ 1034 году, Малую Азію. *Ibidem, стр. 168.* Въ 1050 г. они были посланы противъ Печенѣговъ, (*ib. стр. 170*); въ продолженіе всего XI вѣка служили во мнѣжествѣ у Греческихъ Императоровъ и постоянно упоминаются въ числѣ войскъ, занимавшихъ Византійскія провинціи: Иверію, Халдею, Иллирію, и другія. Они составляли гвардію Императорскую, находились въ Царьградѣ, въ Азіи, служили противъ Турокъ, Печенѣговъ, и проч. *Ibidem, Извѣстія о Варягахъ, съ 935 до 1107 года.*

(*) Печенѣги въ первый разъ напали на Русь въ 914—915. *Карамзинъ, 1, 144* (2-е изд.); но они заняли Молдавію еще въ 896 году (*Карамзинъ 1, прим. 339, 2 изд.*; следовательно, въ это время уже кочевали въ нынѣшней Полуденной Россіи и у Днѣпровскихъ пороговъ. Константины Багрянородный рѣшительно говоритъ, что когда Печенѣги находились въ мирѣ съ Греками, то Руссы уже не могли пройти черезъ ихъ кочевья и нападать на земли Восточной Имперіи. *Const. Porphyrog. de Administ. Im. pars II, cap. IV, p. 47.* Вен. изд.

и проч.; но шайкамъ въ нѣсколько судовъ, — какъ Норманны обыкновенно грабили по рѣкамъ Западной Европы, — путь по Днѣпру, вѣроятно, былъ прегражденъ, или сдѣланъ весьма опаснымъ и труднымъ. Тогда-то наши Руссы обратились на Востокъ, поплыли Волгою въ Каспійское море (913—944) и грабили берега его; но и тутъ, послѣ жестокаго пораженія, грабежи ихъ на Востокъ должны были прекратиться. Последнее средство было — наниматься у Императоровъ, за хорошую плату, и опять грабить тѣ страны, въ которыя ихъ посылали, но уже не по собственному произволу, а по указанію Греческихъ военачальниковъ.

Думать, что Варяги, во множествѣ служившіе въ Византіи, могли являться въ Царьградъ не по Черному морю, а чрезъ всю Германію, по нашему мнѣнію, не сообразно съ существомъ самаго дѣла. Кромѣ того, что Несторъ весьма подробно описываетъ два военные пути черезъ Россію, какъ двѣ большія дороги, и говоритъ именно о Варягахъ, отправлявшихся чрезъ Русь въ Византію (Несторъ, по Лаврент. списку, стр. 47), Норманны неохотно оставляли свои лодки и предпочитали всегда водный путь сухопутной ѣздѣ. Имъ гораздо удобнѣе было плыть чрезъ Россію, населенную непроездными Финнами и мирными Славянами, чѣмъ пробираться чрезъ всю Германію, занятую воинственными племенами и частію принадлежавшую Франкскимъ Королямъ, которые имѣли цѣлыя ополченія и устройство гражданское. Сверхъ всего этого намъ очень извѣстно, что собственно Руссы были тамъ совсѣмъ

неизвѣстны (1), а остальные Варяги находили себѣ много занятій на Западѣ и безъ проложенія дальняго пути, чрезъ Германію, въ Греческую Имперію.

Димешки (Schems-ed-din-Dimeschki), въ своемъ описаніи «Требизондскаго моря, которое есть море Руссовъ и называется Чернымъ и Понтомъ» говорить (2): «Оно доставляетъ только соболей, бобровъ и невольниковъ. На немъ Руссы—разбойники занимаютъ семь острововъ и оттуда, во все стороны, производятъ грабежи. . . . На этихъ островахъ живутъ Руссы, которые исповѣдуютъ Христіанскую Вѣру, и находятся города, деревни, виноградные сады и скотъ. Тутъ также есть горы и растутъ густые лѣса (3)». Это извѣстіе принадлежитъ IX вѣку:

(1) Въ 839 году Императоръ Теофилъ (отецъ Михаила) отправилъ изъ Цариграда посольство къ Императору Людовику Благочестивому и съ нимъ нѣкоторыхъ людей, называвшихъ себя *Россами*, а Царя своего *Хаканомъ*, который, какъ они увѣрили, прислалъ ихъ подъ видомъ дружбы. Теофилъ просилъ Людовика помочь этимъ Россамъ возвратиться домой, чрезъ его Государство: потому что та дорога, по которой они прибыли въ Византію, лежала чрезъ землю, обитаемую жестокимъ народомъ. Людовикъ открылъ, что они Свеоны и лазутчики, а потому и задержалъ ихъ. *Annal. Bertin*, подъ годомъ 839, въ *Muratori, SS. rer. Ital. T. II*, стр. 325; см. *Безъ, de Varagis*.

(2) Шемсъ-эд-динъ-Димешки — Арабскій Писатель начала XIV вѣка и составитель Космографіи; онъ почерпалъ свои извѣстія изъ гораздо древнѣйшихъ Восточныхъ Писателей, по примѣру другихъ Космографовъ. Рукопись его Космографіи хранится въ Библіотекѣ С. П. Бургской Академіи Наукъ. См. *Frähn, Ibn-Foszlans Berichte*, стр. 189. У Димешки помѣщены извлеченія изъ Писателей половины XII вѣка, см. *тамъ же*, стр. 143.

(3) См. *Frähn, Ibn-Foszlans Berichte*, стр. 27—29.

потому что тогда только Руссы частію приняли Христіанскую Вѣру; позже его также не лзя полагать: ибо, какъ мы уже замѣтили, Печенѣги въ X столѣтіи преградили свободный путь Руссамъ по Днѣпру въ Черное море.

Изъ семи острововъ Чернаго моря, на которыхъ жили Руссы, мы можемъ прямо назвать шесть; но предупреждаемъ, что въ этомъ числѣ полагаемъ и полуострова: ибо на Арабскомъ языкѣ слово островъ можетъ означать и полуостровъ (*).

1) Наше Бѣлобережье, *Leuce, isla Bianca*, островъ Ахилловъ. На немъ, какъ мы старались доказать, жили Руссы постоянно въ продолженіе IX, и, вѣроятно, X столѣтій. На Бѣломъ островѣ былъ воздвигнутъ, какъ мы уже знаемъ, двѣнадцатисажженный квадратный храмъ, обложенный со всехъ сторонъ бѣлымъ мраморомъ, и много еще другихъ бѣлыхъ каменныхъ зданій, коихъ развалины сохранились и донынѣ. Между этими большими постройками, исключительно посвященными языческому богослуженію, находилось, конечно, много домовъ, въ которыхъ жили жрецы и прислужники храма Ахиллова; также много строеній и дворовъ, необходимыхъ для ихъ семействъ, конюшенъ, сараевъ, гостинницъ для пріѣзжавшихъ приносить жертвы, житницъ и другихъ мѣстъ для складки ихъ пожитковъ и жизненныхъ припасовъ. Все это представляло видъ города и, вѣроятно, довольно значительнаго, особенно издали для плывшихъ по Черному морю въ Византію.

(*) «Dchesira», по Арабски островъ и полуостровъ, *Frähn, Ibn-Foszlans etc.* p. 48.

2) Островъ Св. Айферія, Achillea. Borysthenis. нынѣ Березань, находящійся при соединеніи Днѣпровскаго лимана съ Чернымъ моремъ, близъ Очакова (1). На этомъ островѣ, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго (2), Руссы, плывшіе изъ Кіева въ Царьградъ, всегда останавливались отдыхать на нѣкоторое время. Здѣсь, послѣ труднаго плаванія Днѣпромъ, опаснаго переѣзда черезъ пороги и сраженій съ Печенѣгами, они принуждены были чинить свои лодки. Тутъ Руссы оснащали суда, ставили мачты, укрѣпляли рули, поднимали паруса; однимъ словомъ: этотъ островъ служилъ имъ корабельною верфью и, конечно, здѣсь хранились всѣ лишніе матеріалы, нужные и для обратнаго плаванія на Русь, въ случаѣ поврежденій, на продолжительномъ морскомъ пути, отъ Византіи до Руси. Начиная отъ Св. Айферія и почти до самаго Кіева, наши Варяги не могли уже добывать себѣ нужныхъ матеріаловъ для починки кораблей: вездѣ, вверхъ по Днѣпру, ожидали ихъ Печенѣги съ мечемъ въ рукѣ. Руссы, одерживаемые тяжкою болѣзнію и получившіе опасныя раны въ сраженіяхъ съ Печенѣгами, оставались также, конечно, на этомъ островѣ, для излеченія ранъ и болѣзней: ибо, по извѣстному устройству Норманскихъ одnodеревокъ, не возможно было тащить съ собою тѣхъ и другихъ въ опасный и дальній путь до Царяграда. Зная все это, не лзя не согласиться, что на Св. Айферіи было постоянное пребы-

(1) Koehler, Mémoire sur les îles et la course d'Achille, въ *Mém. de l'Académie de St. P—brg.* T. X, p. 627.

(2) Const. porphyrog., de Administrando Imperio, cap. IX, p. 31. Вен. изд.

ваніе Руссовъ. Этотъ островъ, для нихъ, былъ то же, что Noirmoutier (при впаденіи Лоары въ Океанъ) для Норманновъ, поселившихся у Французскихъ береговъ (см. выше стр. 91). При посѣщеніи Ольвіи Діономъ Хризостомомъ, въ концѣ I вѣка по Р. Хр., храмъ, воздвигнутый Ахиллу Ольвіополитанами, на островѣ Борисоенисѣ, существовалъ во всей своей красотѣ (1) и могъ весьма легко сохраниться до IX вѣка: потому что только «въ прошедшемъ столѣтіи Турки употребили, на постройку своихъ казармъ и баттарей, всѣ остатки древнихъ зданій, существовавшихъ нѣсколько тысячелѣтій», какъ говоритъ Келеръ (2). Слѣдовательно, кромѣ храма, тамъ, конечно, находилось много другихъ зданій, какъ на Бѣлобережѣ, и для того же употребленія. Вотъ опять готовое помѣщеніе для морскихъ витязей IX вѣка! Замѣтимъ мимоходомъ, что храмы и другія языческія зданія, сохранившіеся на островахъ Чернаго моря, замѣнялись для нашихъ Руссовъ, въ отношеніи къ помѣщенію ихъ ватагъ. Католическіе монастыри, находившіеся на островахъ, близъ Французскихъ береговъ, и въ которыхъ Западные Норманны предпочтительно располагались (см. выше стр. 91, Nigrum monasterium, обитель на островѣ Ре, и проч.). На Березани найдены были три надписи на бѣломъ мраморѣ, въ честь Ахилла Понтарха (вѣстителя Понта). Онѣ объяснены Келеромъ (3). Тамъ же много отыскаютъ монетъ и медалей Ольвійскихъ, и находится нѣсколько кургановъ (tumulus) съ разбитыми вазами

(1) Dion Chrysost. orat. Borysthen. Koehler, l. c. p. 630.

(2) Koehler, l. c. p. 628.

(3) Ibidem l. c. p. 634—644.

и обломками надписей, съ именемъ Ольвіи. Сестини рѣшительно полагаетъ даже, что всѣ медали съ словами *αχι* биты на нашемъ островѣ: «*Jsoletta situata all' imboccatura del Boristene, detta poscia Achillea*», и ошибается только въ томъ, что придаетъ Березани также и названіе *Leuce*, см. *Lettere e dissertazioni numismatiche, T. IV p. 41, Tab. IV, N° 6, 7 и Tab. 1, N° 5*. Всѣ описанныя имъ медали весьма сходны съ Ольвійскими, потому что Ахилейцы были переселенцы изъ Ольвіи. Все это доказываетъ, что и древніе Греки жили на этомъ островѣ, который имѣетъ въ окружности болѣе 2 версты и отстоитъ на 7 верстъ отъ Кинбурна и на 9 отъ Очакова. Онъ столь же высокъ и неприступенъ, какъ Бѣлобережье: только въ двухъ мѣстахъ можно приставать къ его берегу (1). *Lechevalier (Voyage de la Propont et du Pont-Eux T. II, p. 357)*, говорить: «*L'île de Bérézen est bordée dans tout son pourtour d'un escarpement de couches de terre et de rochers à pic; elle peut être regardée comme un fort construit par la nature*», etc. Наши Руссы, какъ видимъ, умѣли избирать безопасныя мѣста для своихъ пріютовъ и складки награбленныхъ вещей.

3) Такъ-называемая Тендерская коса, извѣстная языческимъ Грекамъ подъ именемъ Дромоса Ахиллова (ристалище, бѣгъ, *Δρομος Αχιλλεύος*) и состоящая, кромѣ полуострова (*langue de Diarilgatsch*), еще изъ двухъ острововъ (*langue de Tendra*) (2). И древніе Писатели называютъ нашу косу островомъ. Неизвѣ-

стный Сочинитель Перипла Понта Евксинскаго говорить, что Дромось состоитъ изъ полуострова и двухъ острововъ. У Стефана Византійскаго Ахиллово ристалище названо островомъ (1). Причисляя Тендерскую косу къ семи Димешковымъ островамъ, мы основываемъ наше мнѣніе на томъ, что нѣкоторые изъ Византійцевъ (2) называютъ Дромитами Руссовъ, нападавшихъ на Царьградъ, и думаемъ, что подъ этимъ именемъ были извѣстны въ Царьградѣ тѣ изъ нашихъ Варяговъ, которыхъ шайка жила на Ахилловомъ Дромосѣ. Хотя Византійцы и объясняютъ: «*Russi, quos Dromitas vocant (ac si vagos dicas ac cursu expeditos) etc. и «hos Dromitas vocant (velut palantes dicas ac cursu veloces)*» etc.; но это происходитъ отъ того, вѣроятно, что въ XII вѣкѣ (3), забывъ уже и самое имя Дромоса Ахиллова, въ географическомъ значеніи древнихъ Эллиновъ, они не знали, какъ объяснить слово Дромиты, и догадываясь по звуку, что оно точно Греческаго происхожденія, произвели Руссовъ отъ *Δρομος*, (бѣгъ, ристалище), и *δρομις*, ходокъ, бѣгунъ. Всѣ Норманны извѣстны намъ какъ отважные мореплаватели, пираты и храбрые воины, но мы нигдѣ не находили, ни у Сѣверныхъ Писателей, ни въ Лѣтописяхъ Западной Европы, чтобы Скандинавы были называемы ходоками и бѣгунами. Одинъ только Рольфъ, первый Герцогъ Норманскій, назы-

(1) Koehler, I. c. p. 615 и 621.

(2) Anonymus continuator Theophanis, въ жизни Имп. Романа Лакапина, р. 197 и Symeonis magistri, annales, р. 366. Вен. изд.

(3) Симеонъ, объясняющій намъ это имя Руссовъ-Дромитовъ, жилъ въ половинѣ XII вѣка. *Шприттеръ, Изв. Виз. Ист.* 1, предисловіе.

(1) Koehler, I. c. p. 632.

(2) См. Карту, приложенную къ Koehler, Mémoire, etc. I. c.

вался Gaungu-Rolfur; но это отъ того, что онъ былъ огромнаго роста, и не находилъ лошади довольно сильной для вѣса своего тѣла, а потому и принужденъ былъ ходить пѣшкомъ. Впрочемъ, ни въ одной Лѣтописи нѣтъ ни малѣйшаго намѣка, чтобы Норманны отличались отъ другихъ народовъ особеннымъ искусствомъ въ бѣганіи (1).

Тендерская коса имѣетъ длины (съ двумя островами) до 105 верстъ и ширины, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отъ 3 до 4 верстъ; въ другихъ гораздо менѣе. Келеръ утверждаетъ, что она въ древности не была обитаема; но едва ли это справедливо: потому что онъ же самъ говоритъ о курганахъ (tumulus) и гробницахъ на Тендерской косѣ, въ которыхъ были найдены бронзовыя стрѣлы, много прекрасныхъ медалей и серебряныхъ монетъ, поступившихъ въ Нумизматическое собраніе Императорскаго Эрмитажа (1). Тамъ также открыты, въ 1824 году, отломки мраморныхъ барельефовъ, съ изображеніемъ Ахилла и другихъ боговъ, надписи, черепки глиняныхъ вазъ, и пр. (2). Все это доказываетъ, кажется, что на Дромосѣ обитали Греки: ибо не лзя же предполагать, чтобы монеты, медали, надписи, барельефы, и проч. привезены были нарочно въ необитаемую страну и тамъ закопаны. Впрочемъ, и Келеръ, хотя отвергаетъ пребываніе Греческихъ поселенцевъ на

(1) Harallds-Saga ens Harfagra, Cap. 14, въ Стурлесеновой *Heimskringla*, перев. Вахтеромъ, II, 201.

(2) Koehler, I. c. p. 623.

(3) Сѣверн. Архивъ, 1825 г. № 24, стр. 349, статья Бларемберга. Journal de St. Pétersbourg, 1825 года, № CXVIII, p. 306.

самой косѣ, но говорить, что на перешейкѣ, соединяющемъ косу съ матерюю землею, жили Ахиллодромиты, Achillio-dromites (1), не объявляя однакожъ, къ какому народу они принадлежали, а на картѣ, приложенной къ его разсужденію, мы находимъ, подлѣ слова Dromites, другое Tauroscythes. Какъ первое, такъ и второе могутъ означать нашихъ пиратовъ: ибо Тавроскиѳами, равно какъ и Дромитами, Византийцы называютъ Руссовъ. Какъ бы то ни было, но конецъ перешейка и начало полуострова находятся, конечно, въ нѣсколькихъ шагахъ одинъ отъ другаго; и слѣдовательно, если Дромиты жили на первомъ, то могли, кажется, распространиться и на послѣдній. Тутъ, какъ видимъ, должны были существовать зданія, построенныя этими Ахилло-Дромитами, и въ которыхъ также, какъ на обоихъ уже нами описанныхъ островахъ, могли, безъ хлопотъ и лишнихъ заботъ, помѣститься наши Руссы-Дромиты IX вѣка. Ассемани былъ того мнѣнія, что въ числѣ Руссовъ, нападавшихъ на Царьградъ, тѣ, которые названы Дромитами, жили на Таврическомъ полуостровѣ (2). Шлецеръ (3) и Эверсъ (4) толковали, хотя и безъ доказательствъ, о какихъ-то Понтскихъ и Азовскихъ Руссахъ. Келеръ и всѣ Русскіе Историки утверждали, основываясь на нашихъ Лѣтописяхъ, что Аскольдъ и

(1) Koehler, I. c. p. 619.

(2) Ad Dromitas demum Russos quod attinet... Tauroscytae ii sunt, Chersonesum Tauricam incolentes, quemadmodum a Cedreno et Zonara vocantur, etc. Assemani, *Kalendaria Ecclesiae universae*. T. I, p. 249.

(3) Шлецеровъ Несторъ, II, 250.

(4) Ewers, *Geschichte der Russ*. I, 10.

Диръ, Олегъ, Игорь, и проч. нападали на Византию съ Кіевскими и другими Сѣверными Руссами, и что Лѣтописи наши не знаютъ ни Понтскихъ ни Азовскихъ. Келеръ однакожь самъ говоритъ: «Assemani auroit pu, pour prouver que les Russes s'étaient établis dans le X siècle au Drôme d'Achille, s'appuyer du témoignage de l'auteur de la Chrestomatie de Strabon (Авторъ Хрестоматіи жилъ въ X вѣкѣ), qui semble décider cette question en faveur de ceux, qui présument que les Russes-Drommites y ont habité» (*). Слѣдовательно Келеръ самъ соглашается съ мнѣніемъ Ассемани и даже подкрѣпляетъ его свидѣтельствомъ современнаго Писателя, который, какъ видимъ, подтверждаетъ слова нашего Араба. Теперь Димешки намъ положительно разрѣшаетъ этотъ важный вопросъ и мы находимъ, что оба мнѣнія совершенно справедливы. Если наши Великіе Князья, дѣйствительно, съ большею частію Руси, отправлялись изъ Кіева, для нападенія на Царьградъ, то шайки другихъ Руссовъ, жившихъ на островахъ Чернаго моря, также весьма охотно могли присоединиться къ нимъ и вмѣстѣ совершить общее предпріятіе, отъ котораго, конечно, ни одинъ Варягъ не отказывался въ IX и X столѣтіяхъ. Такое же соединеніе разныхъ ватагъ Норманновъ, для грабежа общими силами, видимъ и на Западѣ Европы. Нашъ скромный составитель Арабской Космографіи и не воображалъ, что онъ, изъ Дамаска, разрѣшаетъ одинъ изъ главныхъ вопросовъ нашей древней Исторіи.

4) Одинъ изъ острововъ, находящихся въ 'заливѣ, отдѣляющемъ Сѣверо-Западную часть Крыма отъ

(*) Koehler, l. c. p. 620.

Днѣпровскаго Уѣзда Таврической Губерніи. Этотъ заливъ извѣстенъ былъ древнимъ Географамъ под именемъ Каркинитскаго (1), и у Константина Багрянороднаго названъ Necropyla (2). Островъ, о которомъ мы говоримъ, названъ Rossia на рукописной картѣ Fréduce d'Ancona, XV вѣка, и Rossa на картѣ Baptista Ianuensis, начала XVI вѣка (3). Въ атласѣ Ортелія (Ortelius, Theatr. orb. terrar.), на картѣ, представляющей всю Европу, въ Каркинитскомъ заливѣ показанъ также островъ Rossa. Келеръ говоритъ: «Il résulte de ces cartes, que cette île était alors appelée l'île russe», но весьма ошибается, полагая, что этотъ островъ находится при впаденіи Днѣпра въ Лиманъ (4). Прилагаемая карта Fréduce d'Ancona совершенно опровергаетъ это предположеніе: ибо на ней Rossia находится между Крымомъ и Южною частію нынѣшней Россіи, и самое море, его окружающее, названо Golfo di Nigropoli т. е. «Necropyla» Багрянороднаго. Нашъ островъ долженъ быть одинъ изъ тѣхъ, которые показаны, на всѣхъ нынѣшнихъ картахъ Таврической Губерніи, въ заливѣ между Днѣпровскимъ и Евпаторійскимъ Уѣздами. На 32 листѣ подробной карты Россіи, у Сарыбулатской пристани помѣщены четыре острова и у Сѣвернаго берега — островъ Карабай. Судя по этимъ картамъ, Rossia не уступаетъ, въ величинѣ, Березани, хотя Келеръ и увѣряетъ, что въ древнемъ Каркинитскомъ заливѣ

(1) См. карту, приложенную къ Koehler, Mémoire, etc. I. c.

(2) Const. porphyg. de adminis. Imp. p. 92; Вен. изд.

(3) Обѣ карты хранятся въ Волфенбиттельской Библіотекѣ.

(4) Koehler, l. c. 609.

находятся только самые малые острова (1). Эти острова заслуживали уже вниманіе древнихъ Географовъ, и Плиніи называетъ три, изъ находящихся въ Каркинитскомъ заливѣ (2). Нынѣшнее имя этого острова намъ неизвѣстно, равно какъ не знаемъ сохранились ли на немъ развалины древнихъ зданій, и вообще не находимъ на картахъ Таврической Губерніи никакихъ подробностей о его топографіи. Не имѣя другихъ данныхъ, мы причисляемъ «*insula Rossia*» къ Димешковымъ Русскимъ островамъ, основываясь единственно на его имени и на томъ, что Черное море называлось Русскимъ, по причинѣ грабежей нашихъ Руссовъ, которые, слѣдовательно, должны были имѣть пріюты на разныхъ островахъ онаго: ибо, конечно, берега твердой земли имъ не принадлежали ни въ IX, ни въ X столѣтіяхъ. Когда нѣкоторые Писатели (на примѣръ Эверсъ) (3) говорятъ, что Руссамъ принадлежали берега Чернаго моря, то эти слова, по нашему мнѣнію, не значатъ, чтобы дѣйствительно владѣнія Сѣверныхъ Руссовъ простирались до сего моря и по берегамъ онаго; но только, что наши Варяги, подобно всѣмъ Норманамъ, занимали, имѣли охоту, притоны, на при-

(1) Koehler, I с. р. 636.

(2) Plin. *Natur. hist.* L. IV, с. 12, р. 217. На Пейссонелевой *Carte des environs du Dnièpre*, etc. въ заливѣ, между Крымомъ и Полуденною Россією, помѣщенъ островъ: *Rhosphodusa* (сличи Келера, въ вышеприведен. мѣстѣ, стр. 636).

(3) *Kritische Vorarbeiten zur Russischen Geschichte*, s. 227. Ученый Эверсъ основалъ свое мнѣніе на договорѣ Олега; но въ немъ нигдѣ не сказано, чтобы Руссы, въ Олегово время, владѣли Сѣверными берегами Чернаго моря. См. также М. П. Погодина, *разсужденіе «О происхожденіи Руси»*, стр. 133.

брежныхъ островахъ и на тѣхъ, которые находились при впаденіи большихъ рѣкъ въ Черное море. Оттуда грабили они всѣ Южные, Восточные и Западные берега Понта. Этими-то разбоями они и слѣдвались слишкомъ извѣстны Восточнымъ Писателямъ (1), и по сей причинѣ самое море стали уже называть «Русскимъ», ибо они совершенно овладѣли онымъ.

5) Таврической полуостровъ. — Арабскіе Писатели называютъ Аравію и Испанію островами (2): слѣдовательно Димешки могъ и Крымъ принять за одинъ изъ острововъ, занятыхъ Руссами-разбойниками. Независимо отъ этого, Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ, что перешеекъ, соединяющій Таврію съ твердою землею, былъ перекопанъ широкимъ ровомъ, чрезъ которое Черное море соединялось съ Азовскимъ и такимъ образомъ Крымъ составлялъ островъ (3). То же говоритъ и Геродотъ, приписывая вырытіе широкаго рва Скиѣамъ. Нынѣшній го-

(1) *Frähn, Ibn-Foszlân*, р. 28. Арабскіе и Византійскіе Историки говорятъ, большею частію, о Южныхъ Руссахъ: ибо хорошо знали только ихъ. Саги и Норманскіе Писатели упоминаютъ предпочтительно о Сѣверныхъ: потому что Южные имъ были мало извѣстны. Наши Отечественныя Лѣтописи служатъ именно цѣлью соединенія тѣхъ и другихъ извѣстій; такимъ образомъ мы получаемъ полную и ясную идею о переселеніи Варяговъ съ береговъ Балтійскаго на притоки Чернаго моря и можемъ объяснить слова Димешки о занятіи Руссами острововъ Понта-Евксинскаго и о грабежахъ, слѣдвавшихся столь извѣстными всѣмъ Историкамъ Арабскимъ.

(2) *Frähn Ibn-Foszlân*, р. 48.

(3) *Const. Porphyg. de admin. Imp. R.* 92. Вен. изд. И теперь еще на Крымскомъ перешейкѣ, отъ Чернаго моря до Сиваша, существуетъ глубокій ровъ и валъ. *Горный Журналъ*, 1842, Ч. I, стр. 326.

родъ Перекопъ получилъ, конечно, отъ этого свое имя.

Что Руссы имѣли значительный пріютъ на Сѣверо-Западномъ мысѣ Крыма, или даже, можетъ быть, занимали всю часть онаго, выдающуюся въ море, между озерами Донкузловъ и Керлеутъ (1), это можно доказать картою Fréduce d'Ancona, о которой мы говорили выше. На ней, въ означенномъ мѣстѣ, находится слѣдующая примѣчательная надпись: *Largo gida Rosico Varangido* (2). Тутъ, какъ видимъ, Географъ XV вѣка, не только помѣщаетъ пріютъ Руссовъ, но знаетъ, что они назывались и Варягами. Графъ Иванъ Потоцкій, посвятившій всю свою жизнь на изысканіе нашихъ древностей, и которому мы, конечно, не могли сообщить нашихъ предположеній, при объясненіи Димешкова текста, вотъ что напечаталъ, въ 1796 году, говоря о картѣ Fréduce: «Il me semble impossible de méconnoître ici «un établissement des Russes, réunis aux Waraigues, «que les Grecs appallaient Warangues, — établissement qui remonte environ à l'année 988, où Wodimir prit Cherson et fit la conquête de toute la

(1) Карта Таврической Губ. Подпол. Нядышева.

(2) Можетъ быть, въ Средніе вѣка *largo* вмѣсто: «Largo»; а это послѣднее иногда значить мѣсто, напр. «largo, Largo, place, place». Въ Неаполѣ еще и теперь нѣкоторыя площади называются: *largo*, напр. «largo del Castello», piazza del Castello nuovo, см. *Vasi, itinéraire di Napoli*, p. 85. Что касается *gida* или *gido*, то это слово, вѣроятно, то же, что Французское *gîte*, жилище, обиталище, домъ, *domicilio*; у Италіянцевъ сохранился до сихъ поръ глаголъ *giacere*. «Ci-git, qui giace» (въ надгробныхъ) — здѣсь находится, пребываетъ, лежитъ.

«presqu'île» (1). Замѣтимъ еще, что пребываніе Варяго-Руссовъ на Таврическомъ полуостровѣ засвидѣтельствовано не однимъ Fréduce. На четырехъ другихъ древнихъ картахъ: Бенинказы (1480 г.), Baptista Ianuensis (1514), Atlas antique (также XVI вѣка), и картѣ, хранящейся въ Вольфенбиттелѣ, на всѣхъ, въ этомъ мѣстѣ читаемъ: *Varangolinse, Varangido, Varangico, Varangone, Rosso-Far, Rossico, Rossofar, Rasofar* (1). И на картѣ Крыма, приложенной къ Пейссонелевымъ *Observations sur les peuples barbares, qui ont habité les bords du Danube et du Pont-Euxin*, находится въ семъ мѣстѣ «Eskiphoros; это *Ros-phar*, на-выворотъ, и къ которому еще прибавлено «древній» (2). Не лъзя, кажется, не согласиться, что тутъ

(1) *Mémoire sur un nouveau Péryple du Pont-Euxin* p. 13.

(2) *Ibidem*, p. 13. *Wär, vir, vox non nisi in derivatis apud nos hodie reperiunda, sed quae olim multo in usu fuit. Ulph. vair. . . . Islandi virum et inprimis maritum ver appellant, uti in Synonymis Eddicis Thor vocatur ver, Siffiar, maritus Sifjae, etc. . . . Frequenter utriusque linguae vox occurit in compositione, ita quidem, ut Romverfar apud Islandos dicantur Romani. . . apud Anglo-Saxones Romvare, vir Romanus, heofonvare, caeli incola, etc. nisi potius haec omnia referenda putes ad vetus verja, quod inhabitare, incolere denotavit. . . ita ut borgare, civis, sit qui burgvare olim nuncupatur, h. e. vir civitatis, etc. I. Ihre, Glossarium Suiogothicum, etc. II, столб. 1064. Слѣдовательно Rossofar (var) можно объяснить такъ же, какъ вышеприведенныя: «Romvare, heofonvare» — Русскіе люди, жители, Руссы, или: *Wär, locus ubi congregari amant pisces, ut solent inter brevia et vada. Angl. wier, wear; Germani wehrd appellant insulam, Angli barres, pulvinos in mari. Ibidem, II, 1064. У Германскихъ народовъ и теперь Wehr значить валъ, ограда, un rempart: слѣдовательно Russosfar (var, vär) «укрѣпленіе Руссовъ».**

(3) «Эски» старій, древній, см. П. И. Кеннена, *Крымскій Сборникъ*, стр. 202, 238.

жили наши Руссы и отсюда грабили остатки уцѣлѣвшихъ Греческихъ поселеній въ Крыму. Вспомнимъ еще, что, послѣ несчастной войны въ Болгаріи, Цимисхій, въ мирномъ договорѣ, запретилъ Руссамъ опустошать Херсонскую область и всѣ тамъ находившіеся Греческіе города. Сомнительно однакожъ, чтобы разныя шайки Руссовъ, имѣвшія свои пріюты на Черномъ морѣ, повиновались Кіевскимъ Великимъ Князьямъ, и развѣ соединялись съ ними только при общемъ нападеніи на Византію. Впрочемъ, въ Крыму есть и другія урочища, имена которыхъ напоминаютъ Русскіе притоны. На мысѣ Никитскомъ и теперь еще существуютъ остатки стѣнъ на горѣ, а внизу, у моря, сквозная пещера, называемая «Крѣпостною»: все это на старыхъ планахъ Никитской дачи называется: «Рускофиль-кале». Тутъ же показаны: гора Рускофлея и оврагъ Русско-фулей. На Южномъ берегу Крыма, въ другомъ мѣстѣ, находится также урочище: Русу-Сунъ (*).

6) Островъ Таманъ не могъ не быть занятъ Руссами. Они производили грабежи на Черномъ морѣ, какъ мы уже знаемъ, и разоряли берега Азовскаго, какъ увидимъ ниже. Намъ извѣстно, что Варяги, изъ Руси, достигали Чернаго моря, съ одной стороны посредствомъ Днѣпра, съ другой — они спускались оттуда же Дономъ въ Азовское море, отъ чего эта рѣка и называется, у Арабскихъ Писателей, предпочтительно, рѣкою Руссовъ. Таманъ, находящійся при сліяніи обоихъ морей, конечно, былъ занятъ

(*) П. Н. Кеппель: О древностяхъ Южнаго Крыма, стр. 178 и 180.

Руссами, какъ военный пунктъ, соединявшій оба водные пути. Независимо отъ стратегической важности этого острова для тогдашнихъ Руссовъ, на немъ находились богатые Греческіе города (1), которыхъ уже тогда не могла защищать слабая и отдаленная Византія. Нечаянно напасть на эти города (которые всѣ находились на берегу морскомъ), умертвить жителей, разграбить ихъ имущество: все это, вѣроятно, было дѣломъ нѣсколькихъ часовъ для нашихъ Варяговъ. Послѣ этого они могли, въ готовыхъ зданіяхъ всякаго рода, основать здѣсь одинъ изъ главныхъ своихъ притоновъ, на Черномъ морѣ, и отсюда грабить окрестности Фаза, Требизонта и весь Южный берегъ Чернаго моря. Самое существованіе Русскаго Княжества на этомъ островѣ, находящемся на краю нынѣшней, а не тогдашней Россіи, не лѣзя объяснить иначе, какъ водвореніемъ на немъ сильной Варяжской ватаги, въ концѣ IX или началѣ X вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ представить себѣ этотъ гражданскій оазисъ, среди разныхъ варварскихъ народовъ, отстоящій отъ ближайшаго Русскаго владѣнія на 1500 верстъ (2) и отдаленный отъ него цѣлыми ордами Хазаровъ, Печенѣговъ, Уцовъ, Половцевъ?.. Ко-

(1) На Данвильевой картѣ, при путешествіи Анахариса, показаны, на Тамани, Греческіе города: Phanagoria, Tugambé, Согосоп-дате и Achilleum.

(2) Таманъ находится въ слѣдующихъ разстояніяхъ:

1) Отъ Муромъ слишкомъ на 1500 верстъ.

2) Отъ Кіева, по прямой линіи, 900 верстъ; а чрезъ Черное море, вѣроятно, также до 1500 верстъ.

3) Отъ Чернигова еще къ сему должно прибавить 100 верстъ.

4) Отъ Рязани около 1400 верстъ.

гда учредилось это Княженіе? Кто были его жители? Неужели Владиміръ Святославичъ перевелъ туда нѣсколько тысячъ Славянъ изъ Руси, чрезъ всѣ Южныя степи народовъ, тамъ кочевавшихъ? Но Печенѣги, нападавшіе на каждую Русскую лодку, плывшую по Днѣпру, могли ли пропустить цѣлое народонаселеніе, шедшее въ Тмутаракань? Это Княжество, вдругъ, неожиданно, является въ нашихъ Лѣтописяхъ, при раздѣлѣ Владиміромъ Русскихъ областей своимъ сыновьямъ (*). Слѣдовательно оно принадлежало ему уже въ X столѣтіи. Но какъ оно ему досталось? Онъ не могъ его завоевать: ибо никогда не доходилъ до Тмутаракани. Правда, онъ взялъ Херсонъ, но возвратилъ его опять Грекамъ и не владелъ никакими областями на Черномъ морѣ. Гр. Пушкинъ и другіе полагали, что Тмутаракань завоевана Святославомъ въ 965 г. въ то время, какъ онъ воевалъ противъ Хазаровъ, Косоговъ и Ясовъ. Но о семъ нѣтъ ни слова въ нашихъ Лѣтописяхъ, и еслибы Тмутаракань принадлежала уже Святославу, то мы видѣли бы ее въ числѣ Княженій при раздѣлѣ его сыновей. Хазары не были совершенно уничтожены Святославомъ. Въ 1016 году противъ нихъ были посланы войска и цѣлый флотъ изъ Византіи; въ 1079 году Хазары взяли въ плѣнъ Кн. Олега Святославича и отослали его въ Царьградъ. Потомъ сей Князь опять воевалъ противъ Хазаръ: слѣдовательно Тмутаракань не могла войти въ составъ Руси при Святославѣ, какъ часть уничтоженнаго Хазарскаго

(*) Въ Никоновской Лѣтописи, (Ч. I, стр. 93), подъ годомъ 989: «а Володиміръ Мстислава (посади) въ Тмутаракани», и проч.

Царства. Допустивъ же занятіе Тамани отдѣльною шайкою Руссовъ, такъ же какъ и другихъ острововъ Понта, всѣ недоразумѣнія объясняются весьма естественно. Варяги, занявъ опустошенные города Греческіе и ограбивъ всѣ окрестныя страны, господствовали нѣкоторое время на Азовскомъ и Черномъ моряхъ; но, бывъ отрѣзаны (въ X вѣкѣ) Печенѣгами отъ Руси и не получая подкрѣплений, признали Владиміра своимъ верховнымъ Повелителемъ, который отдалъ Тмутаракань своему сыну Мстиславу. Такимъ образомъ Тмутаракань, подобно Риму, изъ разбойничьяго гнѣзда сдѣлалась отдѣльнымъ Русскимъ Княженіемъ. Тмутаракань можно признать колонією Руси X вѣка; но, для поддержанія сношеній между метрополією и колоніями, нуженъ флотъ: и тутъ опять одни Варяги,—по Днѣпру или Дону, на своихъ челнокахъ,—могли подкрѣплять и защищать отдѣльное Княженіе, окруженное Касогами, Яссами и Печенѣгами. Другіе Арабскіе Писатели также подтверждаютъ наше предположеніе о занятіи Тамани Руссами: ибо Эдризѣ, Магреби и Ибнъ-эль-Варди, при описаніи городовъ, находившихся на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, помѣщаютъ главный городъ Руссовъ между Судакомъ и Матерхою (Таматарха) (*).

Таманскій притонъ Руссовъ отличался отъ всѣхъ другихъ Варяжскихъ поселенныхъ ватагъ на Черномъ морѣ тѣмъ, что островъ, на которомъ онъ находился, былъ гораздо обширнѣе Бѣлобережья, Березани и представлялъ всѣ способы къ заведенію военной колоніи. На немъ находились четыре горо-

(*) Frähn, Ibn-Foszan, etc. S. 29—32.

да, изъ коихъ Фанагорія была, конечно, хорошо укрѣплена, а другіе доставляли удобство обширнаго помѣщенія для плѣнныхъ и рабовъ—главнѣйшаго предмета торго нашихъ пиратовъ. Эти невольники, до распродажи ихъ, могли обрабатывать земли, распаханныя уже Греческими жителями означенныхъ городовъ, разводить виноградники, кормить скотъ, уцѣлѣвшій отъ разоренія жителей, и вообще исполнять всѣ работы поселенъ—колонистовъ. Всѣ нужныя для сего орудія, строенія и сѣмена находились въ четырехъ городахъ, занятыхъ Руссами, которые, вѣроятно, по примѣру другихъ Норманновъ, перевезли сюда женъ и дѣтей своихъ (*). Такимъ образомъ на Таманѣ могло составиться нѣчто въ родѣ военной Варяжской колоніи и образоваться ядро будущаго Русскаго Княженія, существовавшаго съ X по XII столѣтіе. Такъ мы, по крайней мѣрѣ, объясняемъ себѣ загадочное существованіе Тмутараканскаго Княженія, въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ; намъ кажется, что иначе и объяснить его не лзя. Замѣтимъ еще, что и Западные Норманны владѣли Лоарскими островами, во Франціи, слишкомъ сто лѣтъ (см. выше стр. 92), и почему же отдѣльная ватага Варяговъ не могла основать Княженіе на Тамани, когда Руссы основали цѣлое Россійское Государство?

7) Что касается седьмаго острова, или полуострова, то мы можемъ, хотя и не столь увѣрительно, но съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, назначить и

(*) Съ прибывшими для грабежа въ Англію, подъ начальствомъ Королей Олова и Свена, Скандинавами, пріѣхали ихъ жены и дѣти. *Thierry*, 1, 138.

еще одинъ притонъ Руссовъ. На приложенной картѣ *Fréduce d'Ancona*, у Южнаго берега Чернаго моря, между впаденіемъ Фаза и Требизонтомъ, находится городъ, или селеніе, названное *Risso*. Это же самое урочище, на другихъ древнихъ картахъ, приводимыхъ Гр. Потоцкимъ, написано *Russo* (1). На *Carte de la Géorgie et de l'Arménie dessinée à Pétersbourg, en 1738, et publiée en 1766, par de l'Isle*, на этомъ же мысѣ, т. е. между Фазомъ и Требизонтомъ, на берегу моря, мы читаемъ *Ryza* (2). На Англійской картѣ Дюри (*Dury*), поднесенной, въ Лондонѣ, Гр. И. Г. Чернышеву, на томъ же Южномъ берегу Чернаго моря показаны два города *Rizeh*: и *Laros*. На картѣ *Rhode*, 1785 г., «*Partes confines trium magnorum Imperiorum, etc.*» находятся тѣ же два города и такъ же названы. На картѣ Пейссонеля (1765), кромѣ мѣстечка *Rizé*, есть, тутъ же, рѣка *Rhisius* и другая *Esbet*. Часть берега, находящаяся между этими обѣими рѣками, выдававшаяся въ море, составляетъ полуостровъ: это мѣсто, удобное для защиты, могло быть избрано Руссами для ихъ временнаго пребыванія, и Димешки могъ это назвать «*Dschesira*» (см. первую карту, приложенную къ *Observations, etc. sur les peuples barbares, qui ont habité les bords du Danube et du Pont-Euxin, и Portulan de la mer Noire etc. par Marigny*, стр. 35—36; также при послѣднемъ сочиненіи приложенную карту Чернаго моря и

(1) *Mémoire sur un nouveau Péryples du Pont-Euxin*, p. 27.

(2) Вѣроятно, скопировано съ карты *Fréduce*, на которой, какъ мы замѣтили, находится *Risso*, вмѣсто *Russo*. Съ Делиевой карты перешло это *Risso* и на всѣ новѣйшія и превратилось наконецъ въ *Ryza*, *Rize* и *Ризи*.

plan de la rade de Platana: подлѣ этого мѣстечка: «Cap Oros и на немъ tumulus. Наконецъ на Carte de la Géorgie, par le G. M. Chatow (1826 г.) также Rizeh и Laros и между ими: «guines Génoises». Можетъ быть, по удаленіи Руссовъ, всѣ ихъ пригоны на Черномъ морѣ были заняты Генуэзцами, новыми властителями этого моря, наслѣдовавшими всѣ крѣпостцы Руссовъ. Конечно, это одно предположеніе, которое стоитъ однакожь, чтобы повѣрить его на мѣстѣ. Мы не имѣемъ подробныхъ хорошихъ картъ Южнаго берега Понта, принадлежащаго Турціи, а потому и не знаемъ, есть ли, при означенныхъ двухъ мѣстахъ, острова или полуострова? Во всякомъ случаѣ, Руссы, грабившіе всѣ берега Чернаго моря, по свидѣтельству Восточныхъ Писателей, опустошили, конечно, и Южныя части онаго. Для этого, они должны были необходимо имѣть, какъ мы знаемъ изъ Исторіи Норманнскихъ опустошеній, хотя одинъ пріютъ на Южномъ берегу Понта, въ который могли бы свозить всю собранную добычу, плѣнныхъ и помѣщать своихъ раненыхъ и больныхъ. Почему же не полагать этого пріюта именно тамъ, гдѣ карты XIV и XV вѣковъ, судя по созвучію имени, его помѣщаютъ? Названіе урочища, напоминавшаго морскихъ грабителей, весьма легко могло сохраниться (хотя и превращенное уже въ Иризѣ, Ла-росѣ), до нашихъ временъ. Вѣдь главный рукавъ Нѣмана и до сихъ поръ называется Russe, и два острова, при впаденіи этой рѣки въ Kurisch-haf—Alt Russö и Ruskesiwekele. Слѣдовательно, если на берегахъ Пруссіи могли сохраниться три урочища, напоминающія Русскіе пригоны, здѣсь находившіеся за тысячу лѣтъ

назадъ, то почему же не могло сохраниться и до нашихъ временъ воспоминаніе о Руссахъ на берегахъ Азіи, гдѣ многія мѣста и теперь носятъ еще имя Александра Великаго и гдѣ неподвижность всѣхъ возможныхъ идей гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Замѣтимъ еще на нашей картѣ одно урочище, на Восточной сторонѣ Чернаго моря, подлѣ Pezonda (древ. Пециунда), названное Cavo di Bussi. Не должно ли и тутъ читать Russi, вмѣсто Bussi?

Послѣ всего сказаннаго нами о семи островахъ, на которыхъ жили наши Руссы, не нужно уже, кажется, что-либо прибавлять о городахъ, виноградникахъ, горахъ и лѣсахъ, покрывавшихъ эти острова, какъ говорить Димешки. Тѣ, которые примутъ наши предположенія при объясненіи словъ жителя Дамаска, согласятся, конечно, что на Тамани и въ Крыму находились города, лѣса и горы (*). Независимо отъ этого, мы имѣемъ положительное извѣстіе Павзанія (L. III. С. XIX. при описаніи Лаконіи), подтверждающее слова Димешки: «При впаденіи Истера въ Понтъ Эвксинскій находится островъ, посвященный Ахиллу и называемый Левке: онъ

(*) Въ надписи въ честь Протогена, найденной въ Ольвіи, упоминается также о горахъ; но эти горы не что другое, какъ возвышенности и покатои: ибо вся страна около Ольвіи очень ровна. См. П. И. Кеппена, Древности Сѣв. берега Понта, стр. 152 и 160. Эти возвышенія не выше 10 и 13 сажень (у Заячей и Широкой балокъ); слѣдовательно и горы Димешковы могутъ быть не выше этой мѣры. Келеръ I. с. р. 650—651. — «Le plateau de la steppe, comprise entre les embouchures du Boug et du Dniestre, se trouve à peu près à 110 pieds au dessus du niveau de la mer, etc. Haily, Mémoires présentés à l'Académie Imp. de St Pétersbourg, 1, 153.

имѣть около 20 стадій въ окружности и покрыть лѣсомъ, въ которомъ живутъ дикіе звѣри. Тамъ воздвигнуть храмъ Аполлону», и проч. Что же касается виноградныхъ садовъ, то, руководствуясь нынѣшнимъ состояніемъ этихъ странъ, можемъ допустить, что и въ древности тамъ было много винограда. Мы знаемъ изъ Восточныхъ Писателей, что Семендеръ (нынѣ Тарки) славился преимущественно плодородіемъ своимъ въ отношеніи къ винограду (1); а какъ этотъ городъ имѣетъ почти одинакій климатъ съ Таманомъ и Крымомъ, то можемъ и въ этомъ случаѣ признать рассказъ правдиваго Араба. Кромѣ этого, слова Димешки подкрѣпляются и свидѣтельствомъ нашихъ Лѣтописей:

1) «Родиждъ нарицаеміи Руси, иже и Кумани, живяху во Эксинонтѣ и начаша пленовати страну Римскую и хотяху пойти въ Костянтинъ градъ», и проч. (2). Это извѣстіе помѣщено въ Княженіе Рюриково, при описаніи царствованія Императора Василія Македонянина: слѣдовательно относится ко второй половинѣ IX вѣка. Здѣсь говорится, конечно, о тѣхъ шайкахъ Руссовъ, которыя, по сказанію составителя Арабской Космографіи, жили на островахъ Понта Эксинскаго и грабили Восточную Имперію: ибо самые берега Чернаго моря не могли принадлежать Руссамъ. Въ Степенной книгѣ (стр. 50) сказано еще яснѣе: «Кіевстїи Князи Оскольдъ и Дирь..... съ ними же бяху роди, нарицаеміи Руси, иже и Кумени, живяху во Ексинопонтѣ», и проч. М. П. По-

(1) *Fraehn, Ibn-Foszlān*, etc. p. 65.

(2) *Лѣтопись по Никонову списку*, 1. 21.

годинъ, приводя это мѣсто въ своемъ разсужденіи «о происхожденіи Руси» (стр. 155), говоритъ: «Сначала думаешь, что Руссы съ Ексинопонта были только помощниками Аскольда и Дира, ибо сказано: Аскольдъ и Диръ, Кіевстїи Князи плѣняху Римскую страну, съ ними же бяху Руссы съ Ексинопонта». Такъ, дѣйствительно, должно понимать, по нашему мнѣнію, слова Степенной книги. Что касается Куманъ, которыхъ наши Лѣтописи называютъ Половцами (Кумани, рекше Половцы, *Никонов. 11, 14*), то имя этого народа поставлено тутъ по ошибкѣ: ибо Команы извѣстны стали, по нашимъ Временникамъ, только въ 1055 году, а по Византійскимъ хроникамъ не прежде конца XI вѣка. Но если вмѣсто «Кумани» поставить «Козыри», то это извѣстіе нашихъ Лѣтописцевъ будетъ весьма вѣроятно: ибо сей послѣдній народъ находился, вмѣстѣ съ Руссами и Варягами, въ числѣ наемныхъ иностранныхъ войскъ, служившихъ Византіи (1). Греки занимали Хазаровъ въ продолженіе всей войны Льва Премудраго противъ Симеона, Царя Болгарскаго, въ 888 году; также въ царствованіе Константина Багрянороднаго, въ 911—935 г. они составляли отдѣльный отрядъ въ Греческомъ войскѣ (2). Вообще, изъ всѣхъ извѣстій Византійскихъ видно, что Хазары вели столь же разгульную жизнь, какъ Руссы IX и X вѣковъ и столь же мало были привязаны къ своему отечеству, какъ наши Варяги. Поэтому легко допустить, что нѣкоторое число Хазаровъ могло,

(1) *Шприттера, Извѣстія Визант. Историковъ*, II. 166.

(2) *Ibidem*, IV, 125, 128, 167.

въ сообществѣ Руссовъ, заниматься морскими разбоями и жить, вмѣстѣ съ ними, на островахъ Чернаго моря.

II. Въ договорѣ Олега съ Греками: «аще вовръжена боудеть лодіа вѣтромъ на землю чюжую (т. е. не Греческую) и обрящутся тамо иже отъ насъ Руси, да сие стоитъ снабдѣти лодію съ рохломъ своимъ и отслати пакы на землю Христіанскую, да проводимъ ю сквозѣ страшно мѣсто... аще ли ключится близъ Греческия земли такожде проказа лодии Роуской, да проводимъ ю въ Роускую землю», и проч. (*). Здѣсь, по нашему мнѣнію, должно разумѣть острова, занятые Руссами на Черномъ морѣ: ибо весь Сѣверный берегъ Понта принадлежалъ Печенѣгамъ, Восточный—Грекамъ и Болгарамъ, Южный и Западный — также или Византійцамъ, или Греческимъ городамъ, здѣсь, въ большомъ количествѣ существовавшимъ. Руссы могли оказать помощь Византійцамъ только у острововъ, на которыхъ жили ихъ ватаги. На всѣхъ прочихъ берегахъ Чернаго моря они на это не имѣли никакого права и, вѣроятно, сами Греки заключали подобные договоры съ владѣтелями этихъ береговъ, независимо отъ Руси. Изъ договора Олегова можно также заключить, что Руссы имѣли притоны въ разныхъ мѣстахъ: ибо эти мѣста даже не поименованы, и, вѣроятно, отъ того, что наши Варяги ихъ часто перемѣняли, или можетъ быть и самыя ихъ названія были неизвѣстны Византійцамъ. Тутъ просто сказано только, что Руссы должны оказывать помощь Грекамъ во всѣхъ мѣ-

(*) *Лѣтопись съ Воскресенскаго списка*, 1, 84.

стахъ, гдѣ случится кораблекрушеніе и гдѣ Варяги имѣли свои пріюты.

Перейдя къ Азовскому морю, нашимъ руководителемъ опять избираемъ Димешки. Въ своей Космографіи, онъ передаетъ намъ слѣдующее извѣстіе: «Руссы обитаютъ также на островахъ Меотическаго моря и имѣютъ (тамъ) военныя суда, на которыхъ сражаются съ Хазарами» (1). Взглянувъ на приложенную карту, мы найдемъ на ней три урочища, напоминающія о притонахъ Руссовъ, находившихся на Азовскомъ морѣ:

1) На Сѣверномъ берегу: Rosso или fiume Rosso; это, кажется, нынѣшній лиманъ Миусскій, въ который впадаетъ рѣка Миусъ, а въ нее другая Крынка; по обѣимъ Руссы могли грабить внутренность нынѣшней Екатеринославской Губерніи и земли Донскихъ Казаковъ.

2) На Восточной сторонѣ Азовскаго моря, немедленно послѣ словъ Тапа (Азовъ) находится, на всѣхъ картахъ, т. е. Бенинказы и другихъ, по свидѣтельству Гр. Потоцкаго (2): «Cassar de Rossi»; а на нѣкоторыхъ «Casal de li Rossi». Потоцкій говорить, что и на картѣ Fréduce d'Anсона, означенной у него буквами: Н. Г. помѣщено это урочище, но на копіи, приложенной къ сочиненію Потоцкаго, этихъ словъ не находится: можетъ быть граверъ забылъ ихъ тутъ поставить. Какъ бы то ни было, но Потоцкій прибавляетъ: «C' était sans doute un établissement des Russes» (2). Всякой, конечно, согласится,

(1) *Frähn, Ibn-Foszlān*, etc. p. 29.

(2) *Mém. sur un Périple*, p. 18.

(3) *Ibidem*, p. 18.

что тутъ не нужно длинныхъ комментаріевъ, и что «Casal degli Rossi» и теперь значитъ селеніе, хуторъ, жилище Руссовъ. Вѣроятно, этотъ пріютъ находился на одномъ изъ острововъ, составляющихъ Донскую дельту, можетъ быть, — на томъ, который назывался у древнихъ *Aloresia*, *Lisii* островъ, и на которомъ сохранились, въ X вѣкѣ, какія-нибудь древнія зданія. *Алопецію* на Делилевыхъ картахъ названъ одинъ изъ острововъ, находящихся при впаденіи Дона въ Азовское море; то же самое и на Русской картѣ: «Полуострова Таврическаго, соч. по извѣстіямъ Греческихъ Писателей». На одной изъ картъ «Новой чертежной книги, великой рѣки Дона, Адмирала Крейса, грав. въ Амстердамѣ», представляющей Азовское море, показанъ, у впаденія Дона, съ лѣвой стороны, Азовъ, а на островѣ, противъ него, городъ *Лютикъ* и рѣчка *Labutnie*. Не скрывается ли въ сихъ двухъ названіяхъ древняя *Alopekia*? На VIII картѣ Птолемеевой Географіи «*Alepetia*» также есть островъ у впаденія Дона въ Азовское море, см. *Geografia di Cl. Tolomeo, Venezia, 1574, in-4*. Стравонъ (II книга текста, или 3-го тома 5-я «книжка, перевода Пенцеля) полагаетъ *Алопекію* на островѣ сего имени, во 100 стадіяхъ разстоянія отъ древняго города Танаиса. Слѣдовательно, это тотъ самый островъ, на коемъ, по картѣ Крейса, находился *Лютикъ*, т. е. ближайшій къ Азову, и который Арабскіе Географы называютъ *Алибекъ* или *Алибенъ* (*).

Третій притонъ нашихъ Руссовъ на Азовскомъ морѣ *Fréduce d'Ansona* помѣщаетъ у нынѣшней Дол-

(*) *Frähn, Ibn-Foszlan, etc. S. 31.*

гой косы. Тутъ у него назначены два острова и находится надпись: «*Varangido*»: слѣдовательно то же, что мы читали уже на Сѣверозападной оконечности Крыма и признали, по всѣмъ вѣроятностямъ, становившемъ Руссовъ. Въ описаніи Азовскаго моря Лейтенанта Будищева, у Долгой косы показаны два острова (1), и на нынѣшнихъ картахъ этого моря (2), у той же косы, назначены острова, да и самая коса, вѣроятно, въ IX вѣкѣ была не что другое, какъ островъ (3).

А. ЧЕРТКОВЪ.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Просв., 1843, № 8 и 9).

- (1) *Лоція* или морской путеводитель по Азовскому морю, Лейтенанта Будищева. С. Пб. 1808, въ 4. См. стр. 11.
- (2) Карта всего Азовскаго моря сочинена съ описи, вновь учиненной 1803 года, на компасъ имѣющей склоненіе 8, Западное. Глубина моря означена футами.
- (3) Азовское море столь обмѣлѣло, что, въ 1808 году, въ Донскомъ заливѣ, у Таганрога, воды было не болѣе 3 футовъ, тогда какъ за 100 лѣтъ, при Петрѣ I, сюда проводили военные корабли. *Лоція*, и проч. стр. 16. Нынѣшнія длинныя косы (полуострова) по берегамъ Азовскаго моря: Бѣлосарайская, Бердянская, Фелотова и другія, всѣ почти вдающіяся въ море слишкомъ на 12 верстѣ, были, конечно, острова въ IX и X вѣкахъ. На многихъ картахъ Азовскаго моря показаны восемь острововъ у Эйскаго залива, явившіеся въ 1712 году. См. *Лоція*, стр. 13.

